

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ХОЗЯЙКА
ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА

РАДИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ ОН БЫЛ ГОТОВ НА ВСЕ. КРОМЕ ОДИНОЧЕСТВА...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Хозяйка Изумрудного города

«ЭКСМО»

2004

Леонтьев А. В.

Хозяйка Изумрудного города / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2004

Изабелла проделала головокружительный путь от воспитанницы монастыря до президента небольшой латиноамериканской страны. Сбылось то, о чем она даже мечтать не могла, но только теперь Изабелла поняла, что это не принесло ей счастья, ведь Алекс – ее единственная любовь – возглавляет армию сепаратистов и, значит, находится на другую сторону баррикад. Бесстрашная госпожа президент готова на все, чтобы быть с любимым, но неожиданно на ее пути возникает Наталья, родственница из России, о существовании которой Изабелла даже не подозревала. Судьба сыграла изощренную шутку: ведь Изабелла и Наталья невольно повторяют судьбу своих бабушек, сводных сестер, между которыми в начале века, когда Россию закрутил вихрь войн и революций, тоже бушевали нешуточные страсти из-за мужчины...

© Леонтьев А. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

КРАТКАЯ СПРАВКА	5
ПРОЛОГ	6
КНИГА ПЕРВАЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Антон Леонтьев

Хозяйка Изумрудного города

Т Е Б Е

Когда боги желают наказать человека, они исполняют все его мечты...
Софокл

КРАТКАЯ СПРАВКА

Республика Коста-Бьянка (Republica de Costa Bianca) – государство на Южноамериканском материке... Площадь 578,17 тыс. квадратных километров... Население 28,8 миллиона человек (согласно последней переписи населения в 1994 году)... Столица – Эльпараисо (4,5 млн. жителей)... Официальный язык – испанский...

Государственный строй: суперпрезидентская республика. Согласно Конституции, принятой всенародным голосованием 11.03. 1969, главой государства является президент, избираемый всенародным голосованием на пять лет...

Население: потомки испанских завоевателей (ок. 56 %), коренное население – индейцы (ок. 10 %), негры (24 %), метисы (ок. 7 %) и др.

Официальная религия: католицизм (99,3 %). Примас католической церкви в Коста-Бьянке – архиепископ Эльпараисский.

Экономика: страна богата полезными ископаемыми (апатиты, изумруды, нефть). С сельскохозяйственной точки зрения важную роль играет экспорт кофе, какао, сахарного тростника, бананов... Страна относится к экономическим лидерам Южной Америки, хотя не лишена типичных для этого региона противоречий – экономическая (берущая свое начало от политической) нестабильность, отсутствие долгосрочных инвестиций, слабая банковская система, большая зависимость от крупных иностранных концернов, пропасть в социальном плане между богатыми (ок. 2 % населения) и малоимущими, отсутствие так называемого «среднего класса», резкий контраст между крупными мегаполисами и провинцией, исключительное влияние финансовой и индустриальной олигархии. Экономическим центром является Эльпараисо, один из красивейших городов Южной Америки...

История: открыта Христофором Колумбом во время его 4-го путешествия 28 июля 1502 года и провозглашена территорией испанской короны под названием Costa Blanca (исп. «белый берег») по причине белого цвета пляжа, где высадилась команда Х. Колумба. В период с 1569 по 1573 год прибрежные районы находились под властью итальянского корсара Бенедито Альзорно, который переименовал Costa Blanca в Costa Bianca («берег Бьянки») в честь своей возлюбленной по имени Bianca. После окончательного низвержения Б. Альзорно и его смерти во время осады крепости Санкто-Луаре в ноябре 1573 года снова под властью Испании, однако новое название Costa Bianca становится все более распространенным и с середины XVII века является официальным... Получила независимость от Испании в 1819 году... Политические и социальные реформы впервые предприняты президентом О. Канакасом (1848–1854)... С середины тридцатых годов XX века характеризуется политической нестабильностью, частыми переворотами, военной диктатурой и путчами...

(Выдержки из статей «Большой энциклопедии Коста-Бьянки», изданной в 1996 году в Лондоне оппозиционными силами.)

ПРОЛОГ

Эльпараисо, столица Республики Коста-Бьянка, 1 августа 2001 года

Полукруглый зал освещали факелы. В огромном камине полыхали тигровые языки пламени. Изабелла находилась на подземном уровне президентского дворца.

Ее окружали враги. Они собирались ее убить. Для этого и был затеян весь скорый и неправый суд, пародия на подлинный процесс. Они хотели одного – приговорить ее к смерти. И как можно быстрее привести приговор в исполнение.

Группа из нескольких военных, возглавляемых смуглым человеком в белоснежной маршальской форме с массой орденов и золотисто-зеленой лентой, президентской регалией, вышлась над столом.

Изабелла чувствовала разлитый в подземном зале страх. Они боятся ее, они боятся самих себя. Заговорщики трусливо, по-крысиному, хотят убить ее, зная, что иначе им не справиться с ней.

Один из военных протянул маршалу кожаную папку. Тот раскрыл ее и стал торопливо читать приговор, сверстаный за пятнадцать минут.

Тихо стрекотали видеокамеры, которые запечатлевали происходящее. Они хотят доказать всем, что она на самом деле мертва, подумала Изабелла, поэтому и ведут съемку. Они боятся, что люди не поверят в ее смерть. Они боятся, что объявится новая Изабелла.

Они боятся...

И она тоже боится. Умереть в двадцать восемь лет – быть расстрелянной за преступления, которых не совершала?

– Постановлением военного суда вы, Изабелла Вероника Мария Баррейро ди Сан-Стефано, бывшая президент Республики Коста-Бьянка, за многочисленные преступления против законности и народа нашей страны приговариваетесь к смертной казни. Приговор будет приведен в исполнение немедленно!

Он с треском захлопнул папку и швырнул ее на стол.

– Вот и все, Изабелла, – сказал маршал. – Ваше шоу окончилось. Вы сами станете к стенке или я прикажу моим подчиненным заставить вас сделать это?

Изабелла поняла, что выхода нет. Ей осталось жить всего несколько минут. Все ее мечты сбылись. Настало время платить за их осуществление.

– Мне не требуется ваша помощь, чтобы умереть, – ответила Изабелла.

– Прошу вас, госпожа экс-президент, – маршал стал сама любезность. – Вы отказались от услуг падре. Поэтому нет причин откладывать казнь.

Маршал, новый самопровозглашенный президент страны, подписал смертный приговор, свои подписи поставили и другие судьи. Тем временем в зал вошло пятеро вооруженных солдат.

– К стенке, госпожа Изабелла Баррейро ди Сан-Стефано, – сказал маршал. – Достаточно разговоров.

Изабелла прошла к противоположной стенке, прижалась к бетону и замерла. Она отказалась от черной повязки на глаза. Руки, заведенные за спину, были скованы наручниками.

– Как она великолепна, – вырвалось у одного из судей невольное восхищение Изабеллой.

Изабелла, в тонком белом платье, с высоко поднятой головой, гордым взглядом спокойно смотрела на солдат. Маршал произнес:

– Приготовиться!

Солдаты направили на нее оружие.

– Прощайте, Изабелла, – рассмеялся маршал-президент и добавил: – Огонь!

КНИГА ПЕРВАЯ ЕВГЕНИЯ И НАДЕЖДА ГОДЫ 1894—1972

– Я пришла, чтобы убить тебя, – произнесла Евгения. Она шагнула через порог и оказалась в темной, пропитанной сыростью комнате. —

Вот зачем я здесь. Ты разрушила мою жизнь и мою любовь, Надежда, и ты это знаешь.

Женщина по имени Надежда, к которой она обратила эти слова, кривовато усмехнулась. Ну что же, Евгения в своем репертуаре. Евгения – ее сестра. Слава богу, что не родная, а только сводная по отцу.

Они всегда были соперницами. Хотя какая для нее Евгения соперница – полноватая в юности, она к концу третьего десятка превратилась в рыхлую, толстую бабу. Узкие глазки, плохая кожа. Никто не спорит, у нее есть ум, но ум – это то, что мужчины предпочитают не замечать у женщины.

Евгения, одетая наверняка у лучшего портного, в модном костюме, мехах и шляпке, выглядело убого.

Надежда, облаченная в старое замызганное платье, смотрелась великолепно. Евгения закусила губу. Она всегда и во всем проигрывала сестре. С самого начала...

Они когда-то обожали друг друга, но постепенно любовь перешла в откровенную вражду и ненависть. Она смогла бы простить Надежде многое – любовь отца, которая доставалась целиком ей, веселые праздники, которых сама Евгения была лишена, успех у мужчин. Она не простит ей смерть Сергея. Та украла у нее мужа, убила его. И вот она сама пришла к ней, чтобы лишить ее жизни.

– Ну что же, проходи, – сказала Надежда и скрылась в единственной жилой комнате крошечной меблированной квартирки, которая служила ей одновременно спальней, столовой и ванной.

Они находились в Гамбурге, на Рипербане, в районе «красных фонарей». Завершался сентябрь 1923 года...

Не ожидая подобной реакции, Евгения покорно проследовала за Надеждой. Даже сейчас, в такой ответственный момент, она не может решиться на серьезный шаг. Надежда не воспринимает ее всерьез.

Комната, в которой обитала Надежда, была обставлена более чем скромно: старая мебель, вместо кровати – заплатанный матрас, на кособоком деревянном столе – остатки скудного ужина. И тем не менее...

И тем не менее Надежда выглядела как королева в изгнании – прозрачная кожа (от недоедания) была тем недостижимым идеалом, к которому Евгения стремилась, посещая лучших косметологов и врачей. Тонкая фигура (от двухразового питания) поражала совершенными пропорциями, лучистые глаза... Она не только не растеряла красоту, но и приумножила ее.

– Извини, что не могу предложить тебе ничего перекусить, – сказала Надежда, в упор рассматривая сестру, которая, переминаясь с ноги на ногу, походила на карикатуру в сатирическом журнале – слишком большая, слишком нелепая, слишком некрасивая. – Мы питаемся максимум два раза в день, – продолжила Надежда. – Но в самом скором времени, я знаю, это изменится.

– О да, – произнесла Евгения, прижимая к груди сумочку из крокодиловой кожи. – Я обещаю тебе, дорогая сестра, что все изменится...

– Как я поняла, ты пришла вовсе не затем, чтобы предложить нам помощь, – словно не замечая сестры, говорила Надежда. – Ты собираешься убить меня? И ты, Женя, думаешь, что это поможет? Это воскресит Сергея, сделает тебя счастливой?

Евгения много раз на протяжении мучительно-долгих для нее лет, которые прошли после смерти Сергея, задавалась этим вопросом, и каждый раз ответ звучал одинаково – прошлого не вернуть. Но именно Надежда была виновна в его смерти, такой нелепой и такой страшной. Она отняла у нее Сергея дважды – первый раз, когда стала его любовницей, любовницей мужа собственной сестры, и второй раз, когда толкнула его в бездонную пропасть смерти.

– Ну что же, приступай, сестра. – Надежда чиркнула серной спичкой. Тонкий огонек, зашипев, взвился на дешевой папиросе. Надежда с наслаждением затянулась.

Евгения столько раз проигрывала в воображении этот момент – она наконец-то найдет Надежду и отомстит ей за все – за унижение, за растоптанную любовь, за погасшие чувства и убитого по ее вине мужа. Каждый раз она выходила победительницей из схватки с сестрой. Но это были всего лишь мечты. Мечты, которые никогда не сбываются.

И вот – она стоит напротив Надежды, которая сидит на стуле, купленном на блошином рынке. Но сколько очарования, сколько самоуверенности, как будто Надежда, облаченная в шикарное бальное платье, находится во дворце, на обитом малиновым бархатом позолоченном пуфе, а ее окружают многочисленные воздыхатели. Так было когда-то.

Совсем недавно... До переворота, который разрушил их устоявшуюся жизнь. Но ведь их жизнь была разрушена еще раньше, до того, как отрекся император, до того, как к управлению пришла новая власть.

Они сами разрушили свою жизнь. Они вместе – Евгения и Надежда.

А что на самом деле? Надежда живет в бедном квартале Гамбурга, около самого порта, рядом с притонами проституток и прочего человеческого отребья.

– Ну что же ты медлишь, Женя? – произнесла Надежда, медленно смакуя папиросу. Ей приходилось курить непомерную мерзость, но на большее не было денег.

Евгения, приободренная словами сестры, не замечая ее издевательского тона, распахнула сумочку. Руки предательски дрожали, она ужасно волновалась, слезы застилали глаза. Она ведь любит Надежду, несмотря ни на что, она ее любит. Она – ее единственная сестра. Больше у нее никого нет.

Петербург, шикарный особняк на Фонтанке, старая верная Ляша, их горничная, ставшая членом семьи – все это осталось в прошлом. В далеком прошлом, в которое нельзя вернуться.

Перед ними расстилалась неизвестность, помноженная на бесконечность. Евгения уронила сумочку, револьвер вылетел на грязный пол. Она приобрела его давно, обменяв мешок муки на оружие. В то время на юге России это значило очень много. Она купила его, чтобы убить Надежду. Эта мысль преследовала ее с того самого момента, как она узнала о гибели Сергея.

Схватив револьвер, Евгения выпрямилась. Надежда в вольготной позе сидела перед ней. Она ничего не боится, как будто не воспринимает угрозу всерьез. Евгения поразилась: она пришла, чтобы убить ее, а та даже не шелохнется, чтобы защититься.

– Ты хоть очки поправь, – произнесла Надежда.

Евгения вспыхнула, сестра всегда отпускала шутки насчет ее близорукости и очков с толстыми стеклами, которые она была вынуждена носить с самого детства.

– Вдруг промахнешься, когда будешь меня убивать.

– Ты думаешь, у меня не хватит смелости, – убеждая в первую очередь саму себя, произнесла внезапно севшим голосом Евгения. – Я умею стрелять, я...

– Охотно верю, – сказала Надежда и поправила прическу. – У меня будет последнее слово, Женя, или ты разнесешь мою голову вдребезги сию секунду?

С улицы доносились крики, ругань, треньканье трамвая, гудки паровозов. Огромный город жил своей жизнью, не замечая миллионов трагедий, которые ежесекундно происходили в душе почти каждого из его обитателей.

– Говори, – сказала Евгения, чувствуя, что ненависть, которую она питала к Надежде, испарилась. Она не сможет нажать на курок, как бы этого ни хотелось. Она слишком слабая, изнеженная, мягкотелая. И Надежда это знала. Ей самой не составляло труда убить человека, она это и сделала на глазах Евгении в далеком восемнадцатом.

– Спасибо, – ответила Надежда. – Опусто оружие, а то можешь с перепугу нажать на курок, и тогда точно случится непоправимое. Запомни, ты виновна в смерти Сергея ничуть не меньше, а может быть, и больше, чем я. И тебе это известно, Женя. Ты не имеешь права обвинять меня.

Евгения обмякла, едко-соленые слезы покатались по толстым щекам. Надежда права. Если бы... Если бы она тогда осталась в городе, если бы, как дура, не поссорилась с Сергеем, то он был бы сейчас жив.

– А теперь стреляй, – милостиво разрешила Надежда. – Только постарайся попасть в сердце, чтобы в гробу меня не пришлось накрывать муаром.

Как всегда, она над ней издевается. Евгения закрыла глаза. Нет, она не сможет.

Револьвер, глухо брякнув, упал из ее ослабевших рук на пол.

Надежда произнесла:

– И не обращай так небрежно с оружием, Евгения, оно может и выстрелить. Где ты купила этот хлам? В следующий раз, если к тебе в голову забредет шальная мысль лишить кого-либо жизни, то приобретай револьвер в оружейном магазине, ты меня поняла?

Евгения покорно кивнула головой. Как всегда, сестра победила. Это происходило с неизбежной регулярностью. Надежда была младше ее на четыре с половиной года, но это не мешало ей превосходить Евгению практически во всем. Во всем, кроме ума. Надежда признавала, что господь обделил ее блестящими математическими способностями, которыми обладала Евгения, но, как она замечала, ей это и не требуется.

– Вот и хорошо, – кивнула Надежда. – Сними эту страшную шляпку, у кого ты только одеваешься? Я смотрю, у тебя есть деньги? Откуда, Женя?

– Разве ты забыла, что фамильные драгоценности остались у меня, – сказала Евгения, грузно опускаясь на стул.

– Вовсе нет, дорогая сестра, – произнесла Надежда. – И я намерена потребовать от тебя свою законную долю. Я прозябаю в нищете, как ты верно заметила, но я не собираюсь растрачивать на это свои лучшие годы.

– Это драгоценности моей матери, баронессы Корф, – с обидой сказала Евгения. – Вторая жена моего отца не имеет к ним ни малейшего отношения, а стало быть, и ты.

– Вторая жена моего отца, что за великолепная фраза! – рассмеялась Надежда, небрежно затушив сигарету в давно немойтой чашке, стоявшей на столе. – Вторая жена твоего отца, если ты не запмятовала, была моей матерью.

Еще бы, Евгения прекрасно помнила – мезальянс Владимира Арбенина, его женитьба после смерти первой супруги, баронессы Елены Корф, на балерине Модестине Циламбелли наделал много шуму в газетах, все сочли это проявлением дурного вкуса и неуважения к морали светского общества. Впрочем, крупное состояние, которым располагал депутат Государственной думы, доставшееся в наследство от усопшей баронессы, помогло сохранить ему прежний статус и многочисленных друзей.

– Она была твоей матерью, не более того, запомни это, Надежда, – отчеканила Евгения. – Я происхожу из древнего рода, а кто такая ты? Модестина Циламбелли всего лишь сценический псевдоним Матрены Жужжелицы. Ты строишь из себя аристократку и полунитальянку, а на самом деле твоя мать – дочка купца из Новгородской губернии.

Надежда очаровательно улыбнулась. Впрочем, при помощи улыбки она всегда скрывала раздражение и досаду. Она охотно рассказывала об отце, депутате российского парламента, издателе, знакомце Блока и Северянина, и отделивалась несколькими фразами, когда речь заходила о матери.

– Оставим это, Женя. Ты оказалась здесь вовремя. Ты здесь для того, чтобы помочь мне. Ведь, как я поняла, ты более не собираешься меня убивать? Ты никогда не была склонна к патетике, моя дорогая сестра.

В этот момент в комнату с кухни, протирая глазенки кулачками, вошел очаровательный малыш лет трех. Увидев его, Евгения переменялась в лице.

– Это мой сын, – Надежда прижала мальчика к себе.

Ребенок произнес тоненьким голоском:

– Мамочка, мне страшно, в углу копошатся крысы...

– Видишь, где нам приходится жить с Сережей, – сказала, целуя в лоб мальчика, Надежда. – Трущобы, но с учетом того, что денег у нас в обрез, это было наилучшим вариантом.

Евгения, не отрываясь, смотрела на мальчика. Голова раскалывалась, в ушах звенело. Боже, как он похож на Сергея, и зовут его так же!

– Когда он появился на свет? – глухим голосом спросила она.

Надежда, поцеловав ребенка еще раз, сказала:

– Я не собираюсь ничего отрицать, Женя. Я родила его от Сергея. А зачала его в нашу последнюю с ним ночь. В ту самую ночь, когда его схватили большевики...

Евгения закрыла лицо массивными руками. Ей хотелось плакать, но слез уже не было. Ее единственный ребенок, сын Сергея, который как две капли воды походил на златокудрого ангелочка, прижавшегося к Надежде, умер полгода назад от дифтерии в лучшей берлинской клинике. Врачи не смогли его спасти. Евгения едва не покончила с собой, это было самое ужасное время в ее жизни, хуже было разве что, когда погиб муж.

И вот – у Надежды есть ребенок, ребенок от Сергея. Почему судьба так несправедлива к ней, почему именно у Надежды, а не у нее, есть единственное напоминание о любимом? О Сергее, которого они любили – каждая по-своему, но одинаково страстно.

– Мама, почему тетя плачет? – произнес маленький Сережа и подошел к Евгении. Он дотронулся до ее плеча, по телу Евгении словно прошел разряд электрического тока. Он так похож на ее Павлушу...

– Евгения, успокойся, – сказала Надежда. – У тебя же есть сын, почему у меня не может быть ребенка от Сергея? То, что он был твоим мужем, не предоставляет тебе исключительных прав на него.

– Павлуша умер семнадцатого марта, – сказала Евгения.

На лице сестры застыла улыбка.

– Извини, я же не знала, мы с тобой не виделись больше четырех лет. Ему было семь...

– Через две недели ему бы исполнилось восемь, – произнесла Евгения. – Он так на него похож...

– Конечно, у них же один отец, – заметила Надежда. – Я сейчас сделаю кофе. К сожалению, настоящего я не пила уже давно, есть только из цикория. Немцы – ужасно практичный народ, делают мерзостный напиток из лошадиной травы и величают его благородным словом «кофе». Но я привыкла к нищете, ты можешь себе это представить? Кто бы мог подумать, что Надежда Арбенина, у ног которой валялся весь блистательный Петербург, будет жить здесь, в Гамбурге, на Тальштрассе?

Прошло два часа. Евгения успела забыть, что явилась к сестре, чтобы убить ее. Она разыскивала Надежду с того самого момента, как они расстались. Разыскивала с единственной целью – лишить жизни. И вместо этого она мирно и так по-чеховски пьет с ней кофе, приготовленный из цикория и разлитый в треснувшие чашки.

Тем временем Надежда, опустив многочисленные детали, обрисовала свою жизнь после прибытия на пароходе из Крыма в Константинополь – скитания в эмиграции, беременность, рождение Сережи.

– Мне много раз предлагали деньги за одну ночь, – цинично рассуждала Надежда. – Но у всех этих жеребцов не было в наличии такого количества денег, которое мне требуется. Мне нужна наличность, Женя, потому что в Гамбурге я не смогу оставаться больше чем несколько дней. Меня преследует один господин, у которого я имела несчастье украсть пятнадцать тысяч, золотой перстень с рубином и кое-что по мелочовке...

– Как это произошло? – спросила Евгения.

Сережа устроился на мягких коленях тетки и давно спал. За окном сгущалась иссиня-черная темнота сентябрьской ночи.

Надежда отмахнулась:

– Это не так важно, Женя. Я через многое прошла и ни о чем не жалею. Это ведь не в моих правилах, ты знаешь. Этот господин оказался мелочным мерзавцем, кем-то из коза ностры, итальянского клана преступников. Он ищет меня, я об этом знаю. Его деньги закончились всего за два месяца, но это были великолепные месяцы! Я снова могла позволить себе все то, к чему привыкла. Лучшие модистки, драгоценности, номер-люкс в отеле «Континенталь»...

– И что теперь? – со страхом спросила Евгения. Всего день назад она была бы рада, узнай, что у Надежды неприятности, которые грозят ей смертельной опасностью, а теперь она переживала за сестру больше, чем за себя.

Но еще больше она переживала за племянника Сережу, сына собственного мужа, который спал сладким сном в ее теплых объятиях.

Мальчик повернулся во сне, и теплая рука Евгении легла на его золотистую головку. Боже, как ей не хватает такого малыша! Он бы стал смыслом ее жизни.

– Нам нужно как можно быстрее убраться из Гамбурга, но у меня для этого нет средств. – Надежда по-прежнему дымила, выкуривая папиросу за папиросой. – Ты ведь мне поможешь, Женя?

– Разумеется, – немедленно ответила Евгения. – Я живу в Берлине, у меня небольшой домик, денег на всех хватит, работаю в университете. Я продала всего несколько вещей из коллекции мамы – бриллиантовый фермуар, жемчужное кольцо и берилловую диадему. В Берлине полно эмигрантов из России, драгоценности резко упали в цене, ювелиры-жулики скупают их по дешевке. У меня еще осталось восемнадцать вещей, в Петербурге за них дали бы четверть миллиона золотыми червонцами, но здесь едва ли можно выручить десятую часть. Но мы не будем их продавать так быстро, они достанутся Сереже.

Евгения уже все решила, ее блестящий математический ум работал, как швейцарские часы. Ей уже двадцать девять, она не собирается снова замуж, и детей у нее больше не будет. Она возьмет к себе сестру и племянника, истратит на него все деньги, которые у нее есть. Он получит блестящее образование, станет юристом, например, или врачом. И когда режим кровавых большевиков, убивших ее Сергея, падет, а это случится рано или поздно, они с триумфом вернутся на родину.

– Вы поедете со мной в Берлин, я куплю вам лучшие места в поезде. Я не позволю, чтобы вы оставались в этой дыре.

– И что, ты мне все простишь? – с легким недоверием спросила Надежда. – То, что я соблазнила Сергея, то, что я родила от него сына?

Евгения поцеловала спящего мальчика и усталым жестом сняла очки.

– Я тебе благодарна за это, Надя, – произнесла она. – Если бы не твой адюльтер с моим мужем, то сейчас, скорее всего, я бы застрелила тебя, и все закончилось, как в дешевой мелодраме. А так я обрела семью. Ты – моя сестра. Сережа – мой племянник.

– Все закончилось именно как в дешевой мелодраме, – протянула Надежда. – Я всегда подозревала, что ты святая, моя дорогая сестра. Я не в той ситуации, чтобы манкировать твоим более чем великодушным предложением. И вовсе не откажусь от доли семейных драгоценностей, которые, как ты утверждаешь, принадлежали твоей матушке баронессе. Хотя, например, браслет с персидскими изумрудами и брошь в виде дельфина от Фаберже мой... наш отец купил именно для моей матери.

Евгения осторожно отнесла спящего мальчика в его кроватку, которая стояла в крошечной кухоньке около плиты. Надежда на мгновение задержалась, чтобы полюбоваться на идиллическую картину – Евгения, сияющая радостью, и ее собственный сын.

– Вот деньги, – из сумочки крокодиловой кожи Евгения извлекла пачку ассигнаций. – У меня больше с собой нет, остальное в сейфе отеля. Я отдаю тебе все, Надя. Сейчас я отправлюсь к себе, завтра утром вернусь, и вы покинете это страшное место.

Надежда поддела револьвер, который по-прежнему лежал на столе, полуприкрытый чашками и жестянкой с кофе.

– Это позволь мне сохранить как знак нашего примирения, Жень, – сказала она.

Сестры обнялись. Евгения затряслась в рыданиях, Надежда похлопала ее по спине:

– Не думай, дорогая, что я задержусь на твоей шее слишком долго. Я намерена выйти замуж, главное для женщины – это суметь сервировать себя соответствующим образом. Для этого я использую твои деньги.

– Но ты не забереешь у меня Сережу! – с диким испугом прошептала Евгения. – Ты не сделаешь этого, Надя! Он...

Надежда развернула Евгению лицом к двери:

– Женечка, не думай про меня как про бессердечную мегеру. Ты нужна малышу, я это прекрасно понимаю, и я ни за что не разлучу вас. А теперь отправляйся в отель, выпишись, завтра утром мы ждем тебя, чтобы уехать в Берлин. И смотри, осторожней, бери такси и езжай в отель, Рипербан и прилегающие к нему улицы сейчас вовсе не безопасны.

Поцеловав сестру, Надежда закрыла за ней обшарпанную дверь. Надо же, как в жизни все непредсказуемо. Еще сегодня утром она ломала голову над тем, где бы достать деньги, чтобы бежать прочь из Гамбурга. Прошло несколько часов, и судьба, материализовавшаяся в виде полной и неуклюжей Евгении, дала ей редкостный шанс. Евгения спасет их от бедности и смерти.

Надежда в задумчивости взвесила в руке револьвер. Когда-то из подобной штучки она застрелила не в меру ретивого матроса-взломщика. Ну что же, ужас остался позади. Она прошла годы мучений и страданий, и это при том, что ей всего лишь двадцать пять. Или уже двадцать пять?

Евгения... Кто бы мог подумать, что она окажется ее ангелом-хранителем. С самого начала, в их первую встречу, они невзлюбили друг друга... Она, маленькая пигалица, расцарапала не по годам крупной Жене лицо.

В дверь настойчиво постучали. Надежда положила револьвер на стол. Это Евгения что-то забыла или решила еще раз поцеловать Сережу, за этим и вернулась. Ее можно понять, ее сын Павлуша умер, ей нужно человеческое тепло.

– Ну в чем дело, Евгения, ты давно должна быть в отеле, – недовольным тоном произнесла Надежда, открывая дверь.

Это не была Евгения. На нее уставился смуглолицый тип в дорогом пальто оливкового цвета, длиннополой мягкой шляпе. Воинственно торчащие усы а-ля кайзер Вильгельм придавали ему зловещий вид.

Увидев его, Надежда попыталась захлопнуть дверь, но рука, обтянутая перчаткой из свиной кожи, толкнула ее в плечо. Женщина отлетела от двери.

Незванный гость вихрем ворвался в квартирку и прошипел по-немецки с итальянским акцентом:

– Наконец-то я нашел тебя, воровка! Теперь тебе от меня не уйти! Ты заплатишься жизнью за то, что украла мои деньги, тварь!

Запахавшись, Евгения поднялась на предпоследний этаж краснокирпичного дома, в котором прошлым вечером обнаружила Надежду и Сережу. Она расплатилась в отеле, уладила все дела, заказала билеты в первом классе до Берлина, с утра накупила массу подарков для новообращенного племянника. Сладости, матросский костюмчик, железную дорогу, лошадку, кубики – все для него.

На лестничной клетке толпились люди. Сердце у Евгении затрепетало. Дверь в квартиру, где жила Надя, была настежь распахнута, полицейские с мрачным выражением лиц что-то обсуждали, в коридоре виднелось чье-то тело, прикрытое мятой простыней.

– Милостивая госпожа, в чем дело? – преградил ей дорогу высокий полицейский. – Здесь совершено преступление, поднимайтесь к себе на этаж.

– Я... Моя сестра, – пролепетала Евгения. – Мой племянник!

Ее взгляд был прикован к телу. Надя! Неужели там лежит Надя – мертвая Надя! Нет, этого не может быть! Она когда-то хотела убить сестру, но это было диким, нелепым желанием, порождением зеленоглазого чудовища по прозвищу ревность. Она не может потерять сестру, обретя ее вновь всего двенадцать часов назад.

– Сережа, мой племянник! – закричала Евгения. – Что с ним, я имею право знать!

На ее крик из квартиры показался невысокий, облаченный в черный в полоску костюм-тройку лысоватый господин. Пристально оглядев Евгению, он произнес:

– Вы утверждаете, что в данной квартире проживала ваша сестра и ваш племянник. Прошу вас, пройдите. Я – Андреас Кепке, департамент криминальной полиции вольного и ганзейского города Гамбурга. Мне нужно уточнить у вас кое-какие детали. Прошу вас, могу я взглянуть на ваши документы?

– Почему «проживала» моя сестра, что с ней? – со страхом пролепетала Евгения, чувствуя, что вот-вот рухнет в обмороке. Она вынула паспорт и протянула его чиновнику.

Ощущая, что ноги стали ватными, Евгения прошла в уже знакомую крошечную квартирку, наполненную чиновниками департамента криминальной полиции. Евгения с ужасом думала, что это – место преступления. Она уставилась на труп, закрытый простыней.

Андреас Кепке взял ее под локоть и проникновенным голосом произнес:

– Мадам Терпинина, вы не должны беспокоиться, ваша сестра жива. По крайней мере, мы так считаем. Вы знаете этого человека?

Резким движением он сдернул с тела простыню, и Евгения узрела смуглого усатого господина, облаченного в оливкового цвета кашемировое пальто. На лице мертвеца застыла злобная гримаса. На груди, рядом с сердцем, расплылось темное кровавое пятно.

– Прямое попадание, – с неким удовлетворением произнес Андреас Кепке. – Свидетели утверждают, что около одиннадцати вечера раздался выстрел. Мы можем думать, что именно ваша сестра убила данного господина, Джузеппе Тильбранти, судя по документам, которые мы обнаружили в его портмоне. Убитый является членом итальянской мафии. Вы знаете, что могло бы связывать его с вашей сестрой?

Евгения, опустившись на стул, попросила стакан воды. Нет, она не скажет о том, что Надежду преследовал итальянец, которого она обокрала. Что случилось с Надей и с Сережей? Очевидно, что после того, как... После того как Надежда убила этого мафиози, она бежала. У нее были деньги, которые Евгения оставила ей. Какая же она дура, она даже не сказала сестре, в каком отеле остановилась! Где же она теперь?

– Синьор Тильбранти, который известен нам как медвежатник и карточный шулер, был застрелен из этого оружия, – господин Кепке поддел револьвер.

Евгения побледнела. Это то самое оружие, из которого она намеревалась застрелить Надю. Револьвер все же выстрелил, пуля угодила итальянцу в сердце.

– Вашей сестре не следовало покидать место преступления, – произнес чиновник. – Мы объявим ее в розыск. Смерть этого итальянца – не большая потеря для общества, но никто не обладает правом безнаказанно убивать людей.

– Это была вынужденная самозащита, – пролепетала Евгения. Пальцы ее дрожали, она не чувствовала вкуса лимонада, который находился в заботливо протянутом ей бокале.

– Возможно, – протянул Андреас Кепке, – но так как ваша сестра исчезла, мы не можем реконструировать все события, имевшие место накануне. Я прошу вас, госпожа Терпинина, сообщить мне незамедлительно, если ваша сестра свяжется с вами. И еще... Коза ностра просто так не оставит смерть одного из своих членов, вашей сестре не поздоровится, если итальянцы схватят ее.

Оглушенная внезапным горем, Евгения покинула квартирку на Тальштрассе. Что произошло с Надей и ее сыном, куда они делись?

Она, погруженная в страшные мысли, села в первый попавшийся трамвай. Уставившись в окно, на прохожих, лица которых слились с пестрым пейзажем Гамбурга, Евгения вспоминала. Она хотела убить Надю, а затем обрела племянника... Она взяла бы их к себе, в Берлин, но все снова переменялось так внезапно и кардинально. Что предприняла ее сестра, куда она делась?

Евгения не знала ни единого ответа на многочисленные вопросы, терзавшие ее душу. Железная карета трамвая, позвякивая, громыхла по булыжной мостовой.

Как же быстро и безвозвратно пролетели годы, сколько воды утекло с тех пор, когда Евгения впервые узнала, что у нее будет сестра...

Когда это было? Она сама появилась на свет в рождественскую ночь 1894 года. В ту самую ночь, когда ее мать, урожденная баронесса Елена Петровна Корф, скончалась в родильной горячке...

Отец Евгении, Владимир Арбенин, не принадлежал к знатному дворянскому роду, не обладал крупным состоянием, которое сгладило бы его полумещанское происхождение. Юная Леночка Корф, познакомившаяся с ним на одном из балов, влюбилась немедленно и бесповоротно. Высокий, статный, с обворожительной улыбкой, Владимир Арбенин справедливо считался покорителем женских сердец.

Свадьба ни за что бы не состоялась – родители юной баронессы были против такого брака. Они не нуждались в зяте из захудалого дворянского рода, к тому же без денег, но с большими претензиями. Барон Петр Корф, который считался одним из наушников императора Александра Третьего, рассчитывал на куда более блестящую партию для своей единственной дочери.

Все упиралось в единственную проблему. Родовитый аристократический род Корфов не отличался, мягко говоря, красотой. Для мужчин, которые уже на протяжении почти двухсот лет занимали самые высокие государственные посты и давно вошли в учебники истории как наперсники Петра и Екатерины, красота вовсе не являлась определяющим фактором. Наоборот, самые обольстительные женщины, пораженные глубиной ума и блеском богатства, незамедлительно соглашались стать женами или метрессами тех, кто носил фамилию Корф.

Но женщины... Природа не пощадила их. Женщины были роком и проклятием рода Корф. Увы, несмотря на то что представители этого рода выбирали себе в супруги самых красивых женщин, их отпрыски наследовали блестящие способности и поразительную некрасивость. Толстый приплюснутый нос, низкий нависающий лоб, узкие, утопленные в блиноподобном лице глазки. Корфов скорее можно было принять за крестьян из многочисленных принадле-

жащих им угодий, чем за представителей связанной родственными узами с несколькими венценосными династиями Старого Света фамилии.

Леночка Корф не была исключением. Ее мама, урожденная княгиня Трубецкая, походила на фреску Леонардо – тонкие черты лица, поразительная улыбка, лучистые глаза. А вот ее единственная дочь стала подлинным ребенком семьи Корф. В девятнадцать лет Леночка весила никак не менее пяти пудов, имела плохой цвет лица, скверные, выдающиеся вперед зубы и склонность к грудной жабе.

Это вовсе не мешало ей увлекаться математикой, ставить физические опыты в специально оборудованной для этой цели лаборатории, писать статьи по астрономии, ввергающие в благоговейный трепет маститых ученых. Леночка чувствовала себя намного уверенней и спокойней в тиши библиотеки, чем на балу, где как мужчины, так и дамы глазели на нее с нескрываемой жалостью, перешептывались и тонко улыбались. На балу Леночка практически не танцевала, кавалеры отдавали предпочтение ее миловидным сверстницам.

Поэтому, когда седеющий красавец Владимир Арбенин увлек Леночку в вихре вальса, она не замедлила в него влюбиться. Леночка думала, что ей суждено остаться старой девой, такая судьба постигла многих представительниц древнего баронского рода, но Владимир, ее Владимир, изменил все в секунду!

Старый барон, посоветовавшись с супругой, долго раздумывал. Несмотря на большое приданое, претендентов на руку и сердце его дочери не находилось. Может быть, Владимир Арбенин не такая уж и плохая партия?

Петр Корф все же решил, что выскочка и плебей Арбенин не имеет права становиться его зятем. Кто он такой? Род Корфов известен уже три столетия, а про Арбениных никто и никогда не слышал.

– И все же, Пьер, – заметила баронесса, – Елене уже почти двадцать... Еще несколько лет, и она навсегда останется в девицах. Физические опыты не заменят нам наследника.

Барон прекрасно знал: если Елена не выйдет замуж и у нее не будет детей, то их род исчезнет. Самое страшное проклятие, какое может постигнуть старинную дворянскую фамилию.

– Он же обыкновенный охотник за приданым, – возразил барон. – Пусть лучше наш род будет предан забвению, чем в нашу семью войдет этот обманщик и сердцеед.

– Но Пьер, – попробовала возразить жена, – может быть, стоит подумать? Арбенины, в конце концов, дворяне, хотя и мелкопоместные. Это далеко не лучшая кандидатура, но ты уверен, мой дорогой, что другие, обладающие титулом и, возможно, деньгами, возьмут Элен замуж только из-за ее приданого?

– Ты, как всегда, права, – согласился с неохотой барон. – Но Владимир Арбенин мне не нравится. Вот будь у него пара миллионов, однако он беден, как церковная мышь. Нет! Я откажу ему от дома, а ты скажешь Елене, что между ней и Владимиром Арбениным не может быть ничего общего.

Баронесса готовилась сообщить дочери роковое известие, но в ход событий вмешались высшие обстоятельства.

Судьба, как она это умеет, в самый неожиданный момент преподнесла небывалый подарок. Дальний родственник Владимира Арбенина, то ли троюродный дядюшка, то ли давно забытый двоюродный брат, внезапно скончался и оставил ему миллионное состояние. Из прожигателя жизни, потрепанного светского льва и дамского угодника без особых перспектив Владимир Ипатьевич в одну ночь превратился в выгодного жениха и желанного гостя в салонах Петербурга и Москвы.

Он стал обладателем нескольких крупных поместий, солидного капитала, акций железнодорожных компаний и уральских заводов. Старый барон Корф, который намеревался уже без сантиментов отказать Арбенину от дома, призадумался. В конце концов, ловелас, который на досуге занимался рифмоплетством, не такой уже плохой малый, как он раньше представлял

себе. Леночка от него без ума. Но это, возможно, и есть самое плохое. Любовь – разве она когда-нибудь приносила счастье?

Внимательно ознакомившись с состоянием финансовых дел свежее испеченного миллионщика, барон скрепя сердце дал согласие. Арбенин стал человеком, которого нельзя оскорбить отказом.

Пышное венчание, на котором присутствовали сливки столичного общества, прошло в Казанском соборе. О свадебных подарках Арбенина молодой супруге ходили слухи: черная жемчужина, бриллиантовое кольцо, арабский рысак. Газеты ухватились за такой лакомый кусок, как свадьба вчерашнего вечного должника и богатой, но ужасно некрасивой наследницы громкой фамилии.

Барон даже поразился – если у Арбенина есть деньги, то зачем ему Елена? Значит, он любит его дочь?

В тяжелом свадебном платье, с массой сияющих драгоценностей, юная баронесса смотрелась ужасно. Елена не строила иллюзий касательно собственной внешности. Увы, проклятие рода не обошло ее стороной. Однако несколько ее статей по астрономии вызвали резонанс в научных кругах, все восхищались ее умом, но никто и никогда не делал комплимента как женщине.

И вот – она выходит замуж! Елена была уверена, что Владимир любит ее. Арбенин и сам не понимал, что именно тянуло его к Елене. У него была масса женщин, которые, подобно бабочкам, украшали его жизнь. С Еленой он впервые почувствовал, что его по-настоящему любят.

Молодая чета Арбениных после заключения брака совершила турне по Италии. Владимир, отдавая должное великолепному уму молодой супруги, искоса заглядывался на смазливых итальянок.

Так прошло четыре года. Наконец, настало время задуматься о продлении рода.

Елена была на седьмом небе от счастья, когда семейный доктор сообщил ей, что она ожидает ребенка. Роды планировались в начале января 1894 года.

Старый барон Корф был удовлетворен. До него доходили слухи, что его зять не чурается посещать увеселительные заведения для мужчин и спускает деньги на содержанок, однако он не мог упрекнуть его – он и сам в зрелые годы погуливал на сторону. Дочь Елена, якобы не знавшая об этом, была счастлива. Новость об ожидаемом наследнике окончательно разрушила ледяную стену отчуждения между Петром Корфом и Владимиром Арбениным. Барон уже строил планы – первенец, если это будет мальчик, получит царское имя Александр, не исключено, что и сам государь согласится стать его крестным.

Девочка... Барон предпочитал не думать об этом. Будет мальчик, продолжатель рода, наследник двух миллионных состояний.

Елена, прочитавшая никак не меньше пяти десятков книг по родильному делу, готовилась к тому, чтобы стать матерью, со всей серьезностью. Это будет ее первенец. Она планировала еще двух или даже трех малышей.

Беременность протекала без осложнений. Ощущая толчки изнутри живота, Елена Арбенина радовалась тому, что вскоре подарит человеческому существу жизнь. Она удивительно похорошела.

Владимир, в котором до поры до времени дремал заправский бизнесмен, путем рискованных операций удвоил капитал, приобрел шикарный дом на Фонтанке, сошелся с интеллектуальной и творческой элитой Петербурга. Он был на короткой ноге с многими знаменитыми литераторами, отчасти интересовался подпольным движением, занялся изданием рафинированных поэтов, которые считались гениями поболее Пушкина. Денег это не приносило, однако Владимир Арбенин, превратившийся в статного седого господина с тонкими усиками и изящной бородкой, мог позволить себе тратить деньги на искусство.

Семейная жизнь четы Арбениных, несмотря на сплетни, распространяемые злопыхателями, протекала на редкость дружно. Елена стала для мужа скорее другом, чем женой. Они подолгу могли рассуждать о массе интересных вещей, Елена, отличавшаяся блестящими математическими способностями, дала Владимиру несколько ценных советов по вложению денег на бирже – это принесло им около ста тысяч рублей. Она знала, что он изменяет ей, однако по странной уверенности она понимала, что он никогда и ни за что не бросит ее. Владимир и не собирался этого делать. Елена устраивала его во всех отношениях. Он внезапно понял, что в университетских кругах как России, так и зарубежья Елена считалась талантливым ученым, и это только добавляло ему гордости за супругу.

Роды начались неожиданно. Елена, чувствующая себя ранним рождественским утром неважно, вдруг потеряла сознание, когда одевалась в спальне. Благо, что верная горничная Ляша, которая нянчила Леночку Корф, помогала своей хозяйке с утренним туалетом и оповестила дикими криками весь дом, что госпоже плохо.

Срочно прибывший доктор констатировал чрезвычайно серьезную ситуацию. Все визиты, намеченные на этот праздничный день, были мгновенно отменены. Владимир мерил шагами кабинет на первом этаже, выкуривая одну за другой крепкие сигареты. Он поручил жизнь супруги и ребенка заботам лучших петербургских врачей.

Родители Леночки находились в Баден-Бадене, и Арбенин строгой запретил кому-либо давать телеграмму о критическом положении их дочери.

По шикарному особняку на Фонтанке сновали слуги, несколько самых проверенных повитух были вызваны к Арбениным.

Около пяти вечера в дверь кабинета Владимира Арбенина постучали. Кирилл Максимович Эстрезази, светило гинекологии, которого экстренный вызов к Елене вырвал из-за праздничного стола, прошел внутрь и опустился в кресло. Белая рубашка была в крови. Он закурил.

– Кирилл Максимович, как Елена? – первым нарушил молчание Владимир Арбенин. Он, всегда уверенный в благополучном исходе любой ситуации, вдруг ощутил страшную панику. Почему Эстрезази молчит, в чем дело?

Огромный особняк, казалось, тоже затих. За окнами уже сгустилась тьма. Январь выдался на редкость снежным и суровым.

– Поздравляю вас с дочерью, Владимир Ипатьевич, – сухо произнес Эстрезази. – Она появилась на свет десять минут назад.

– А что с моей женой? – спросил Арбенин. – Как Елена, скажите, прошу вас!

– Ее положение очень и очень серьезное, как, впрочем, и ситуация с вашей дочерью, – Кирилл Максимович с наслаждением затянулся. – Я буду с вами откровенен: если они обе доживут до завтрашнего утра, то это будет чудом. Я всего лишь врач, не более того... У вашей супруги оказался скрытый порок сердца, как я предполагаю. Ей ни за что нельзя было вынашивать ребенка и тем более рожать.

– Что вы такое говорите, – ужаснулся Арбенин.

Он не мог поверить, что Елена, которая всегда отличалась крепким здоровьем, находится на грани смерти. Он с ужасом понял, что любит ее. По-своему, по-особому он любит свою некрасивую супругу, которая теперь умирает на втором этаже их петербургского особняка.

– Вынужден вас оставить, – произнес врач, – мне нужно к вашей жене. Советую вам молиться, это единственное, что можно сделать в подобной ситуации.

Бесконечная январская ночь, полная страхов и холода, никак не хотела заканчиваться. Арбенин, прошедший всю ночь в кабинете, с тревогой ждал рассвета. Он слышал, как где-то неподалеку бормочет преданная горничная Ляша, молясь за судьбу своей хозяйки и ее ребенка.

Утро застало Арбенина в кресле, в котором он заснул. На мгновение он даже не мог понять – в чем дело, как он здесь оказался. Только потом пришло осознание боли и отчаяния.

Его жена умерла двадцатью минутами раньше, так и не придя в сознание. Его дочь выжила.

Владимир Арбенин ощутил боль утраты. Елены ему будет не хватать. Теперь он оказался вдовцом с дочерью.

Девочка пошла статью в Корфов – слишком большая, слишком тихая, похожая, как определил для себя Арбенин, на лягушку. Он отказался взять ее на руки. Смотря на большой сверток, из которого выглядывало красное сморщенное личико его дочери, он подумал, что вот это чудовище и убило Елену.

Он отдал дочь, которую нарекли Евгенией, на воспитание барону и баронессе Корф, оплакивавшим безвременную кончину единственной дочери. Владимир постепенно пришел в себя, снова стал увлекаться мирскими грехами.

В начале 1897 года он познакомился с очаровательной грацией, синеглазой красавицей с осиной талей и водопадом белокурых волос – Модестиной Циламбелли. Модестина выступала на подмостках Малого императорского театра. Она была вожделенным объектом страсти многих богатых и знаменитых мужчин. Модестина оказалась разборчивой – она милостиво принимала драгоценные подношения, позволяла отобедать с собой у Куба, но никогда не уступала натиску сгорающих от страсти богатеев. Про нее говорили, что она любовница одного из великих князей, который поклялся убить ее, если она изменит ему.

Сраженный ее совершенной красотой и удивительным шармом, Арбенин, как и десятки других, стал осаждать ее гримерную и квартиру. Он посылал шикарные корзины с цветами одну за другой, преподносил редкостные драгоценности и, наконец, был допущен в святая святых – в обитель дивы.

Модестина встретила его крайне любезно, Арбенин чувствовал, как в нем закипает кровь, когда он видит ее рядом с собой. Недолго думая, он сделал ей предложение. Модестина отказала. Это его поразило и задело. Как может она отвергать его, Владимира Арбенина, известного издателя и миллионера?

Барон Петр Корф, прикованный к тому времени подагрой к инвалидному креслу, устроил Арбенину скандал, когда узнал, что тот собирается сделать своей новой женой какую-то танцовщицу.

– Она не станет мачехой моей обожаемой Женечки! – кричал старик. – Я лишу тебя наследства, я отпишу все капиталы Евгении!

Владимир Арбенин, саркастически усмехнувшись, заметил:

– Петр Александрович, я сам достаточно обеспечен для того, чтобы прокормить жену и дочь. Модестина станет моей женой, запомните это!

Барон использовал последний козырь – он открыл Арбенину глаза на происхождение Модестины Циламбелли. Уверявшая всех, что она появилась на свет в знойном Неаполе как незаконнорожденная дочь одного из кардиналов, она на самом деле оказалась Матреной Афанасьевной Жужжелицей, дочерью купца из Новгородской губернии, предки которой были крепостными в течение многих столетий.

– Вы думали, это меня остановит? – приподнял бровь Арбенин. – Скажу вам более, я на прошлой неделе заплатил одному пронырливому журналисту пятьсот рублей, чтобы он не печатал это в своем грязном листке. Я люблю Модестину.

Грация Малого императорского театра все же дала согласие, когда Владимир Арбенин на коленях умолил ее принять кольцо с желтым бриллиантом как знак того, что она согласна выйти за него замуж. Матрена Жужжелица, она же Модестина Циламбелли, достигла того, к чему так стремилась, – она стала не содержанкой или любовницей одного из столпов общества, миллионера и крупного издателя, а его законной супругой. Ей больше не требовалось разыгрывать из себя снежную королеву, ее час пробил.

Свадьба Арбенина и Модестины послужила в ноябре 1897 года причиной газетной истерии. Сначала никто не мог поверить, что Владимир Арбенин на самом деле собирается пойти на такой мезальянс. Когда же родовитые семейства стали получать приглашения на венчание, то газетная «утка» вдруг стала реальностью.

Барон Корф с супругой бойкотировали свадьбу, как, впрочем, и два десятка аристократических семейств. Арбенин мог позволить себе плевать на общественное мнение. Он укатил с женой в свадебное путешествие на Лазурный берег. Газеты мгновенно сообщили, что престелстная (этого у Модестины было не отнять) госпожа Арбенина появилась в зале для игры в баккару Гранд-казино в Монте-Карло и затмила всех своей красотой, а в особенности изумрудным ожерельем, обвивавшим в десять рядов ее изящную шейку. Модестина проиграла в Монте-Карло сорок пять тысяч золотом. Из Монако чета новобрачных направилась в Великое княжество Бертранское.

К тому времени, когда Арбенины вернулись в Петербург, страсти немного улеглись. Молодой император соизволил лестно отозваться о выборе Владимира Ипатьевича, и это положило конец обструкции в светском обществе. Матрена Жужжелица с высочайшего соизволения стала Модестиной Арбениной.

Владимир не уделял никакого внимания дочери от Елены. Он считал, как и прежде, что несносная жирная девчонка послужила причиной смерти его талантливой жены. Модестина не хотела видеть Евгению в своем новом доме, на обстановку которого она истратила около трехсот тысяч.

Вскоре Модестина сообщила мужу, что находится в положении. На этот раз лучшие врачи, выписанные из Лозанны, Парижа и Вены, обследовали госпожу Арбенину и в один голос заверили ее супруга, что опасаться нечего – осложнения при родах исключены.

Медики не ошиблись. В конце июля 1898 года в имение Арбенина Верхоглядки, расположенном в Тверской губернии, на свет появилась Надежда, желанная дочь, красавица и умница. Роды у Модестины прошли на редкость быстро и безболезненно, через три дня после благополучного разрешения от бремени госпожа Арбенина наконец-то покинула сельскую глушь, которую ненавидела всеми фибрами своей изнеженной души и куда была вынуждена поехать по настоянию врачей.

Надежду крестили в Петербурге; ее крестной матерью стала княгиня Шельская, а крестным отцом – великий князь Константин Александрович. Модестина, как всегда, самая красивая, позволила себе с облегчением вздохнуть – ее миссия была выполнена, она подарила мужу долгожданную наследницу и окончательно привязала Владимира к себе. В качестве подарка Модестина получила от мужа двести пятьдесят тысяч.

На новорожденную Надю обрушился поток родительской любви, щедро подпитанной деньгами. Девочка, настоящий ангелочек, сошедший с небес на грешную землю, росла сорванцом и кокеткой. Отец с матерью загодя планировали великолепную партию для Надечки.

Евгения обитала в мрачном особняке семейства Корф. После смерти Елены там все было пропитано духом воспоминаний о ней – картины, фотографии, одежда. Барон с баронессой приучали Женю к мысли о том, что новая жена ее отца – выскочка, парвеню, дочка разорившегося купца. Как ни старался Петр Корф, запретить видаться отцу с дочерью он не мог. Изредка Владимир Арбенин навещал все же Евгению, дарил ей что-нибудь в красивой упаковке и купленное наспех, целовал в лоб и исчезал.

Барон с баронессой скончались в один месяц, в октябре 1902 года, с интервалом в двенадцать дней. Согласно их завещанию, единственной наследницей всего их движимого и недвижимого имущества, исчислявшегося многими миллионами, становилась их единственная внучка Евгения.

Владимиру Арбенину, приложив массу усилий, удалось добиться права стать опекуном дочери, несмотря на то что в завещании Корфов были указаны совершенно другие фамилии.

Ему, как отцу, богатому и известному человеку, было отдано предпочтение. Дело рассматривалось в Сенате и по приказанию самого императора было решено в кратчайшие сроки.

Девочка переехала в новый дом, где царила прелестная Модестина. Госпожа Арбенина, давно забывшая, что когда-то работала в конторе отца-купца, при всех восхищалась Евгенией и баловала ее, засыпая вредными для и без того толстой девочки сладостями и ненужными игрушками.

Первая встреча двух сестер оказалась роковой. Привыкшая к всеобщему обожанию и восхищению, Надежда узрела в Евгении соперницу. Несмотря на разницу в возрасте и весе, маленькая девчушка, разряженная в кружева и бархат, впиалась Евгении в толстую ляжку и расцарапала лицо, а затем завывала на весь дом, требуя, чтобы Евгению выгнали прочь.

Арбенин впервые отказал капризу дочери и требованиям жены: его старшая дочь осталась в их особняке. Владимир Ипатьевич, добившись того, чтобы опекать многомиллионное состояние, завещанное дочери, не хотел отпускать ее от себя. Кто знает, может быть, повторится та же история, как и с ее матерью, и рядом с некрасивой девушкой появится верткий охотник за легкой наживой.

Евгения проявляла интерес к физике, химии и математике, как и ее покойная мать. Отец оборудовал ей отдельный кабинет под самой крышей, где она могла ночами читать толстенные книги, штудировать премудрости точных наук. И плакать.

У Нади были веселые праздники с множеством друзей – у Евгении ничего этого не было. Отец сказал, что раз ее день рождения выпал на Рождество, то не стоит его праздновать специально. У Нади были лучшие наряды от известных модисток – Евгения со своей расплывающейся фигурой рядилась в однотонные темные платья. Надя с родителями два раза в год отправлялась отдыхать то во Францию, то в Финляндию, Евгения оставалась дома. Ее утешала верная старая Ляша, которая выходила Женю и после смерти барона и баронессы Корф упростила Арбенина взять ее к нему в дом.

– Девочка моя, – приговаривала она, глядя рыдающую Евгению по жирноватым волосам. – Папа тебя очень любит, ты же знаешь...

– Тогда почему он оставил меня одну? Почему он не взял меня с собой в Ниццу? Почему он позволяет Модестине шпынять меня? – поднимала на Ляшу заплаканное сдобное лицо девочка и, не дожидаясь ответов, ревела еще громче.

Все разительным образом изменялось, когда отец возвращался в столицу. Евгения забывала об обидах и бросалась к нему, чтобы получить скупой поцелуй и громоздкий, ненужный подарок. Годы шли, и ничего не менялось.

Надежда постепенно расцветала, превращаясь из красивой девочки в красивую барышню. Евгения же, наоборот, с каждым годом полнела и к пятнадцати годам выросла в настоящую кустодиевскую женщину, полную крестьянку с луноподобным лицом, непослушными темными волосами, узкими глазками и красными, словно ошпаренными, руками. Сколько раз, глядясь в зеркало, она проклинала судьбу, что ей угораздило родиться в старинной семье баронов Корф. Она рассматривала фамильные портреты – уродливые мужчины и некрасивые женщины. Как же она на них похожа!

У нее был ум, но что из этого? Она повторяла судьбу покойной матери – Евгения нашла многочисленные научные записи баронессы Елены. Спустя несколько лет Евгения поняла, как близко ее мама подошла к тем мыслям, которые высказал немецкий ученый Эйнштейн в своих работах, посвященных так называемой теории относительности.

Однако и мир науки был закрыт, ну, или практически закрыт, для женщин, особенно такой консервативной, как физика и высшая математика. Евгению привлекала блистательная красота абстракций, огромных формул, в которых заключалась суть Вселенной, таинственных реакций, которые таили в себе секреты мироздания.

Как-то Евгении довелось принять участие в семейном вечере, на котором присутствовал обретающий популярность среди аристократии старец Григорий. Признанием длиннобородый хитрый мужик был обязан простому факту – ему удалось неведомыми путями проникнуть в царский дворец и стать личным другом императрицы и императора.

Владимир Арбенин, никогда не чуждый новомодным веяньям, сразу же пригласил к себе старца. Тот проповедовал грех как единственную возможность очищения. Не согрешишь – не покаешься, так заявлял он своим густо-скрипучим голосом, пронзая насквозь зелеными глазами молодую Модестину Арбенину. Та с восторгом следила за каждым словом старца, поддакивая его велеречивым рассуждениям.

Евгения, как всегда, сидела в углу, поглощала то ли третье, то ли четвертое мороженое. Еда – вот что позволяло ей заглушать душевную боль. Она знала, что после этого суаре пополнеет еще на два фунта, но никак не могла удержаться.

– Вот ты, молодуха, – говорил старец, беря за руку Модестину.

Та, трепеща, смотрела на Григория.

– Ты ведь грешна, ой как грешна, вижу по тебе. В тебе много бесов. И для того чтобы изгнать их, нужно сначала с ними спознаться...

– Какая глупость, – произнесла вдруг Евгения, поразившись собственной смелости.

Старец, не ожидавший подобного выступления, удивленно обернулся. Кто посмел противоречить ему, вхожему в императорскую фамилию?

Владимир Ипатьевич, хмыкнув, посмотрел на дочь. Евгения, с куском растаявшего мороженого на тарелочке, густо покраснев, повторила:

– То, что вы говорите, совершенная чушь.

– Как ты смеешь, Евгения! – заломив руки, воскликнула Модестина. – Отправляйся к себе, тебе пора спать!

Старец внимательно посмотрел на Евгению. В его взгляде она почувствовала ненависть и подозрение.

– Негоже детям выступать супротив родителей, – сказал он, и его рука с длинными грязными ногтями снова легла на запястье Модестины. – В тебе, толстушка, как я чувую, тоже таится много демонов.

– Иди к себе, наверх, – сердито приказал Арбенин.

В гостиной было несколько важных гостей, которые завтра же не преминут разнести по всему Петербургу, что старшая дочь Владимира Арбенина оскорбила старца. Распутин, кажется, так его фамилия, начинал входить в силу, с ним опасно ссориться, он почти ежедневно виделся с царем.

– То, о чем говорит старец, совершенно не ново. Такие упаднические мысли высказывал в своей философии Ницше и, кроме того... – попыталась сказать Евгения, но отец прервал ее новым окриком. Пришлось подчиниться.

Уходя, Евгения заметила веселую улыбку на лице младшей сестры. Надя, разряженная, юная, уже кокотка, всегда радовалась, когда Евгении доставалось от родителей.

Евгения начала выходить в свет. Балы утомляли ее, она не любила наряжаться в узкие платья, которые подчеркивали ее расплывающуюся фигуру. Сравнивая себя с фотографиями покойной матери, она понимала, что еще пара лет, и она станет такой же. Почему, чтобы иметь успех, признание, стать обожаемой и желанной, женщина должна быть красивой?

Тайно от отца Евгения пыталась следовать многочисленным диетам, которые печатали дамские журналы. Безрезультатно, ей ничего не помогало. Стоило ей сбросить два или три килограмма, как на нее нападал страшный голод, она накидывалась на еду, в результате чего поправлялась на пять или шесть кило.

Надежда, когда настал ее черед выходить в свет, сразу же стала притчей во языцех. Она была ослепительно красива, знала себе цену, сражала наповал мужчин. Она являлась наследницей миллионного состояния, об этом тоже не забывали.

К Евгении также подкатывали лощенные, напояженные хлыщи, которые сыпали несусветными комплиментами и торопили ее с замужеством. Совсем не будучи простушкой, Евгения понимала: о завещании барона и баронессы Корф знают многие, как и о том, что в день совершеннолетия она получит огромное состояние. Поэтому она хладнокровно расправлялась с ними, благо лезть за словом в карман ей не приходилось. Однако вольготнее всего она чувствовала себя в библиотеке или лаборатории, где читала или работала над очередной статьей.

Год 1914-й стал роковым не только для всей империи, но и для семьи Арбениных. Кажется, шумный праздник встречи Нового года не предвещал ничего тревожного. Евгения была студенткой политехнического института, единственная женщина в этом учебном заведении. Седьмого января Евгении исполнилось двадцать, она получила от отца дешевенькую брошку. Впрочем, она была рада и такому подарку.

Через неделю после дня рождения Евгении Владимир Арбенин стал жертвой покушения на министра внутренних дел. Он, среди прочих посетителей, находился в приемной министра, когда туда вошел курьер, одетый в униформу, и оставил для его высокопревосходительства господина министра засургученный пакет. Секретарь, не ожидая подвоха, принял пакет. Владимир Арбенин, беседуя с одним из сенаторов на кожаной софе, ожидал приема.

Внезапно из пакета повалил густой сизый дым. Побледневший секретарь закричал дурным голосом:

– Бомба! – и тотчас бросился прочь из приемной.

Покушения на сановных лиц давно стали обыденным делом в Петербурге и Москве. Еще бы, всего каких-то три с половиной года назад сам премьер Столыпин пал жертвой покушения в киевском театре.

Арбенин подскочил и среди прочих ожидавших приема кинулся к массивным зеркальным дверям. Тогда-то и прогремел взрыв. В пакете находилось большое количество нитроглицерина, которого хватило, чтобы разнести приемную министра. Самому министру повезло, он задержался на несколько минут и не вышел к ожидавшим его, как это было обычно заведено, в половине одиннадцатого, иначе он также неминуемо стал бы жертвой террористов.

Меньше повезло тем, кто оказался в эпицентре взрыва, а среди таковых был и Владимир Ипатьевич Арбенин. Он умер от многочисленных ранений, как, впрочем, и еще девять человек.

Модестина никак не могла поверить, что в возрасте почти сорока лет она оказалась вдовой. Богатой вдовой, надо сказать. Муж оставил ей все состояние, исчислявшееся многими миллионами, несколько домов, множество акций и драгоценностей.

Евгения рыдала на похоронах отца, Надежда, облаченная в черные шелка и страусиные перья, стойко держалась. Владимира Арбенина отпевали в соборе Спаса-на-Крови в закрытом гробу.

Впрочем, Модестина быстро утешилась и, вступив в права наследства, укатила в Европу, заявив, что не собирается оставаться в варварской России, где людей убивают, как мух. Обосновавшись в Риме, она тотчас нашла себе молодого любовника, с которым стала ускоренно тратить миллионное состояние, доставшееся от покойного Арбенина.

В начале лета того же судьбоносного года Евгения познакомилась с Сергеем Лаврентьевичем Терпининым, молодым военным инженером. Случай свел их в одном научном кружке, который посещала Евгения, представляя немногочисленной общественности свои передовые идеи касательно астрофизики и возникновения Вселенной. Сергей Терпинин, плененный ее умом, совершенно не замечал того, что Евгения считала уродством, – ее неказистой внешности.

Жаркое лето они провели в Петербурге, который изнывал от палящего солнца и, казалось, ожидал чего-то страшного. Евгения, с головой нырнувшая в водоворот любовных переживаний, не замечала ничего вокруг. Наконец-то щемящая боль, вызванная трагической смертью отца, отступила. Рядом с ней был Сергей, которого она до безумия любила.

– Я люблю тебя, – услышала она от него заветные слова июльским вечером, накануне дня рождения Надежды.

Они гуляли по Летнему саду.

– И я прошу тебя стать моей женой, – продолжил он.

Евгения почувствовала, что ее сердце грозит вырваться из груди. Он ее любит!

– Мы поженимся в начале осени, если ты не против, – сказал он. – Сейчас, как ты знаешь, вся Европа замерла, ожидая развязки этой дикой истории с убийством австро-венгерского престолонаследника.

Евгению не интересовала политика, она купалась в обрушившемся на нее водопаде счастья. Надежда, узнав, что старшая сестра, с которой у них были более чем прохладные отношения, собирается замуж, несказанно удивилась. Еще больше она поразилась, когда узнала, что ее жених – Сергей Терпинин.

– Надо же, Женечка, – протянула она. – Ты, оказывается, не такая уж и неповоротливая, как это кажется на первый взгляд. Тебе достался лакомый кусочек. Впрочем, насколько мне известно, у него практически ничего нет за душой, какое-то крошечное имение под Липецком, престарелая мать и полдюжины братьев и сестер, которых надо обеспечивать. А ведь скоро ты получишь свои миллионы..

Надежда в свои шестнадцать лет была прожженным циником. За ее ангельской внешностью скрывалась алчная, практичная натура и цепкий ум. Она презирала Евгению, считая ее синим чулком и неумехой. Наука, как и все, связанное с образованием, было для Надежды недоступным и запредельным. Она полагала, что женщине требуется пленять мужчин красотой, а не энциклопедическими знаниями.

– Ты не смеешь так говорить про Сергея! – впервые за многие годы вышла из себя обычно флегматичная Евгения. – Ты мне завидуешь. Ты... пустышка. Мужчинам требуется от тебя только одно...

– Что именно, милая моя? – зло прошептала Надежда. – Ну, не тани, можешь сказать, что именно, я дитя нового времени и знаю о жизни поболее, чем ты.

Евгения уже растеряла боевой пыл и замолкла. Она иногда ненавидела сестру, не в состоянии простить ей любовь отца. Но в то же время она чувствовала, что любит ее. Надежда, которая испытывала особое удовольствие в том, чтобы позлить Евгению, боялась себе признаться, что не мыслит своего существования без старшей сестры. Она привыкла к Евгении, как привыкают к предмету обстановки.

– Извини, – произнесла примирительно Евгения. – Я не хотела... Но я его люблю, Надюша, и это серьезно.

– Ну что же, мои поздравления, он отличный экземпляр, – ответила Надежда, потрепав сестру по руке. – Желаю тебе счастья, моя дорогая, ты его заслуживаешь. Но подумай над тем, что я сказала, охотников за приданым сейчас ой как много.

– Я знаю, Наденька, что ты желаешь мне только добра. Как же я счастлива! – воскликнула Евгения.

Злоба, только что кипевшая в ней по отношению к Надежде, исчезла без следа. Она даже расчувствовалась и начала всхлипывать.

Надежда с усмешкой заметила:

– Не нюнись, Евгения. В жизни тебе, и ты сама это прекрасно знаешь, выпадает всего один шанс выйти замуж. Если он тебя любит и ты в нем уверена... Но не забудь, меньше чем через полгода ты получишь деньги.

– Он не из таких, – повторила Евгения. – Мой Сергей самый лучший.

Свадьба, которая изначально намечалась на конец сентября, была отложена по не зависящим ни от Евгении, ни от ее избранника причинам. Россия вступила в Первую мировую войну. Внезапно благостный мир, полный неги, расслабленности, упоенный ароматом вишневого сада, сменился суровыми военными буднями. Вместо разнузданно-утонченных балов и вечеринок давались благотворительные вечера, патриотический настрой сплотил нацию.

Все были уверены, что совсем немного, и кайзер, который вероломно втянул империю в войну, окажется наголову разбитым. Ведь русские войска уже вступали как-то в Берлин.

Евгения, которая совершенно не интересовалась происходящими событиями, была вынуждена принять их в расчет. Сергей, военный инженер, специализировавшийся на планировке и возведении фортификационных сооружений, был немедленно мобилизован.

Они расстались, клятвенно пообещав, что никогда и ни за что не забудут друг друга. Евгения была уверена – он ее не обманет. Газеты уверяли, что война закончится еще до Рождества, надо всего лишь немного подождать...

Шли месяцы, наступила зима. Война, вместо того чтобы прекратиться победой сил Антанты, увязала где-то в глуши Галиции и левобережной Украины. Евгения оторвалась от трудов по фундаментальной астрономии и взглянула в лицо жизни. Она требовалась Родине. Она требовалась Сергею.

Она организовала подписку для нужд фронта и первой внесла сто тысяч рублей. Затем отдала под госпиталь один из домов, который принадлежал ей в Петербурге и сдавался внаем. В конце концов решила и сама отправиться на фронт в качестве медицинской сестры. Однако ей чрезвычайно вежливо намекнули, что ее присутствие на театре военных действий нежелательно.

– Куда ты лезешь? – удивлялась Надежда.

В свои шестнадцать она превратилась в удивительно красивую молодую женщину, которая пленяла неземной красотой и таинственным шармом. Денег Модестина, обитавшая к тому времени в Риме, выделяла дочери не так уж много, предпочитая тратить все на себя и очередного юного любовника. Однако Надежда не бедствовала. Евгения замечала, как далеко за полночь, когда она, утомленная дневной беготней по многочисленным чиновничьим инстанциям, работала над научной статьей, шумный мотор привозил Надежду, одетую в шикарные меха и сверкавшую драгоценностями, домой.

– Где ты была? – пыталась привести в чувство сестру Евгения, но Надежда отвечала ей грубо:

– Женечка, не суй свой толстый нос в мои дела. Я веду такой образ жизни, который мне подходит, ты это поняла?

Евгения, без успеха воздействовавшая на сестру увещеваниями, сдалась. В самом деле, Надежда имеет полное право жить так, как ей хочется. Их огромный, богато обставленный дом превратился в линию фронта – война шла между двумя сестрами. Евгения кичилась тем, что она принадлежит к старинному роду и обладает уникальными способностями в точных науках, Надежда, фыркая, отвечала, что никогда бы не променяла свою красоту и очарование на физические формулы. Сестры постепенно отдалялись друг от друга.

До Евгении доходили слухи, что Надежда ведет праздный, если не сказать более, образ жизни. Она удивительно быстро сошлась с теми, кто получал от войны и людских страданий выгоду, с теми, кто наживал на крови капитал, с теми, кто понял: настал уникальный момент прийти к власти.

Рестораны, в которых водку и коньяк по причине введенного сухого закона подавали в пузатых чайниках и пили из стаканов; особняки, в которых кипела таинственная ночная жизнь; скверные личности с золотыми зубами и многокаратовыми бриллиантовыми перстнями

на волосатых пальцах; истерические ворожеи и сибирские старцы; томные извращенные аристократы...

Все это так и влекло Надежду, только что вступившую в жизнь.

Сергей сдержал слово – он писал, как только мог, Евгении, в скупых словах, неподвластных военной цензуре, выражал ей свою любовь. Они поженились в небольшой церквушке в Смоленской области, куда Сергей вырвался всего на день, чтобы обвенчаться с Евгенией. Никакого пышного торжества, никаких гостей и помпезностей. Все прошло чрезвычайно быстро и скромно.

Первая брачная ночь, которой Евгения так боялась и которой она так нетерпеливо ждала, прошла в крестьянском доме. Утром Терпинин снова отбыл на фронт. Евгения возвратилась в Петербург.

Она стала госпожой Терпининой и, достигнув двадцати одного года, получила все завещанные бароном и баронессой Корф деньги. Она и не подозревала, что речь идет о такой огромной сумме.

Надежда, узнав, сколько именно причиталось сестре, с жадным блеском в очаровательных глазах заметила:

– Жень, и зачем тебе столько? Ты ведь не сумеешь потратить...

– Сумею, – возразила Евгения.

Она тратила – на благотворительность, отсылая на фронт медикаменты, снаряжая лазареты, обеспечивая инвалидов, оказавшихся в тылу, деньгами и продовольствием. О ней с восторгом писали газеты, отмечая ее беспримерную щедрость. Евгения не замечала, сколько именно она снимает со счета. Деньги ее практически не интересовали. Зачем ей дорогие платья, которые только подчеркнут изъяны ее далеко не совершенной фигуры, зачем ей драгоценности, которые она никогда не надевала?

Надежда, как узнала Евгения, сблизилась с тем самым старцем Григорием, который теперь вершил политические дела во всей стране. Евгения была наслышана о мерзостях и разврате, который практикует святейший Распутин.

– Конечно, я понимаю, что он мошенник, но гениальный мошенник, обладающий поразительными способностями, – призналась Евгении как-то Надежда. – Я, в отличие от многих, не считаю его святым. Он проходимец, которому самое место в тюрьме. Но что поделаешь, если ему удалось взлететь так высоко? Императрица слушается его беспрекословно, а кто принимает решения во всей империи, когда император находится в ставке? Она, а значит, Григорий. Евгения, ты себе представить не можешь, какие деньги проходят мимо него. Такие ослепительные возможности, такие перспективы... Он делает мечты реальностью.

– Все это закончится кровью, – заметила Евгения. – Держись от этого подальше, Надюша. Зачем тебе вся эта мерзость? Мечты, ставшие реальностью, часто приносят страдания и разочарования.

Надежда в ответ рассмеялась и сверкнула уникальным рубиновым ожерельем:

– Ты думаешь, откуда у меня эти вещи? Это манто из шиншиллы... Я буду с теми, у кого есть деньги. Моя мать, и тебе это известно, потратит все состояние за несколько лет. Мне ничего не достанется. А я не хочу влачить жизнь в нищете.

Евгения охнула:

– Надюша, но зачем же так, я всегда помогу тебе...

– Не надо, – отрезала Надежда. – Занимайся тем, чем занимаешься. Помогай колченогим, сирым и убогим. Я сама позабочусь о себе.

Практически каждый разговор завершался на повышенных тонах. Любая безобидная тема приводила к ссоре. Сестры жили в одном доме и почти не общались, изредка сталкиваясь в пустой гостиной или столовой. Надежда завтракала, когда Евгения обедала, но даже за длин-

ным столом, сервированным, несмотря на взлетевшие цены, крайне изысканно, они молчали или обменивались колкостями.

Верная Ляша переживала и пыталась помирить «девочек», как она про себя называла Надежду и Евгению.

Сергей был в Петрограде всего два раза. Он так и не мог открыть жене тайну своего местоположения на фронте. Он стал важным человеком, ему вверялись секреты военных укреплений. Евгения была до смерти рада каждому посещению мужа. Письма от него доставлялись крайне нерегулярно, проходили множество рук, читались множеством глаз, некоторые вообще исчезали, как выяснялось впоследствии.

Несколько недель спустя после того, как он отбыл на фронт, она обратилась к семейному врачу, жалуясь на легкое недомогание. Тот обследовал Евгению и, покачив головой, заметил:

– Евгения Владимировна, вы в недалеком будущем станете матерью.

– Я... я беременна, – еле сумела вымолвить это слово Евгения.

Она не могла поверить – у нее будет ребенок от любимого мужа. Новость о беременности Евгении несколько смягчила напряженные отношения между сестрами. Надежда судорожно стала скупать детские принадлежности, заказывая все у самых дорогих поставщиков.

Евгения страшно боялась того, что когда-то случилось с ее матерью. Она знала, что до крайности на нее похожа. А что, если страшная сердечная болезнь передалась по наследству и ей? Она только что вкусила запретный плод семейного счастья с любимым человеком, ей не хотелось умирать, как, впрочем, и терять долгожданного и уже заранее обожаемого малыша.

Она разродилась в сентябре 1915 года крупным, здоровым и горластым мальчиком, которого нарекли Павлушей. Все опасения оказались напрасными, она совершенно не мучилась во время родов. Никаких осложнений, все прошло великолепно. Сергей, который сумел получить пятидневный отпуск, находился все время с женой, опекая ее и выражая при каждом удобном случае свою любовь.

Надежда оказалась сказочной теткой, она возилась с малышом, как будто это был ее ребенок. Она по-прежнему общалась с подозрительными личностями, тратила безумные суммы на наряды и драгоценности.

Ее имя несколько раз оказалось замешанным в ряде скандалов, связанных с поставками на фронт амуниции и продовольствия. Но поскольку в числе прочих в крайне неблагоприятных делах фигурировали некоторые представители августейшей фамилии, все спустило на тормозах. За всем, как шептались в Петрограде, стояла черная тень Распутина, который благословлял подобные аферы, приносившие и ему некоторые проценты.

Впрочем, после рождения сына Евгения переключила все внимание на малыша и забыла о проблемах сестры, которые когда-то принимала так близко к сердцу.

Павлуша оказался настоящим ангелочком; он был исключением из правил, ему удалось унаследовать красоту отца и ум матери. Евгения не могла нарадоваться на темно-русого малыша, который поражал ее своими не по-детски взрослыми повадками. Он заговорил, не достигнув и года, а в два уже умел по складам читать. Кажется, провидение сжалилось над потомками семейства Корфов и щедро расплатилось за все страдания. Евгения была счастлива и, несмотря на то что она была атеисткой по убеждению, она даже начала по вечерам втайне от всех молиться, прося Всевышнего ниспослать благодать на мужа и сына.

1916 год принес множество неурядиц в, казалось бы, размеренную жизнь Евгении и Надежды. В апреле из Рима пришло ошеломляющее известие – Модестина Цидамбелли в возрасте сорока двух лет была застрелена своим любовником.

Состоялся грандиозный процесс, в ходе которого выяснялись скандальные подробности. Модестина, получив пулю в предсердие, скончалась в апартаментах роскошной виллы. Виновик произошедшего, молодой итальянский жиголо, настаивал на несчастном случае, однако его признали виновным в намеренном убийстве и приговорили к смерти.

Надежда, давно оборвавшая связи с матерью и получавшая от Модестины два раза в год красочные открытки из Европы, не особо печалилась. Ее больше заботил вопрос о наследстве. Сбылись ее самые мрачные прогнозы.

Госпожа Модестина Арбенина всего за два года смогла с удивительной резвостью промотать миллионы мужа. Оставшиеся драгоценности, редкостная антикварная мебель пошли с аукциона на уплату долгов. Надежде практически ничего не досталось, но даже и эти крохи она могла получить только по достижении двадцати пяти лет, как гласило завещание ее матери, прочитанное ей петербургскими адвокатами.

– Июль 23-го года, как долго ждать, и всего лишь сто пятьдесят тысяч, и это с учетом дикой инфляции, которая начинает набирать обороты, – простонала Надежда. – Теперь, Женечка, ты понимаешь, почему я добываю сама себе деньги?

Смерть мачехи практически не затронула чувства Евгении. Модестина умерла – ну и что с того? Она никогда не относилась к падчерице с любовью или хотя бы с должным уважением.

То, что по-настоящему испугало Евгению, случилось в декабре, когда год подходил к завершению.

Сергея ранило. Узнав об этом, она едва не впала в истерику, Надежде даже пришлось успокаивать сестру.

– С ним все в порядке, – уверяла она Евгению. – Ты видишь, ему дают отпуск до полного выздоровления, он будет дома с тобой и Павлушей.

Евгения была почему-то уверена, что с Сергеем произошло несчастье, возможно, ему оторвало руку или ногу, но от нее это скрывают. Когда же он, улыбающийся и немного бледный, появился на пороге их особняка на Фонтанке, то она облегченно вздохнула – бинты облегли плечо и предплечье. Ранение на самом деле оказалось не таким уж и серьезным.

– Я останусь дома на месяц, может быть, чуть больше, – сказал Евгении муж. – А потом снова на фронт.

– Когда же закончится эта война? – говорила Евгения. – От нее все устали. Я слышу разговоры в очередях, все недовольны тем, что война, ненужная и такая кровопролитная, длится уже третий год. Мне кажется, рано или поздно это приведет к новой революции, как в девятьсот пятый.

Сергей на эти разговоры реагировал особо бурно:

– Как ты можешь, Евгения, единственный выход для России – это монархия. Согласен, нынешний царь не совсем подходит для этой роли, но запомни, я не потерплю в моем доме подобных рассуждений. Я навидался пролетарской сволочи, которая так и норовит прийти к власти. Что может быть хуже, чем чернь в императорском дворце?

Сергей был убежденным монархистом и ни за что не собирался уступать своих позиций.

Евгения не ссорилась с мужем по политическим вопросам, а тихо радовалась, что супруг снова оказался в Петрограде. Она по-прежнему занималась благотворительной деятельностью, являясь сопредседателем нескольких десятков комитетов, обществ и организаций. Она отсутствовала весь день, возвращаясь под вечер домой, где ее ждали Сергей и Павлуша.

Их тесный мирок разительно отличался от того, что происходило за стенами их сытого и богатого особняка. Благодетель Надежды, Григорий Распутин, исчез, и вскоре выяснилось, что его убили. Тело святого старца обнаружили примерзшим к проруби. Сергей, искренне любящий династию Романовых, не скрывал радости по случаю кончины Григория.

– Так и надо этому псу, наконец-то Россия освободилась от мрачного ига этого прохвоста, – заявил он и открыл по этому случаю коллекционную бутылку шампанского урожая 1900 года.

Евгения наслаждалась семейной идиллией. Потрескивающий камин, распространяющий тепло (когда почти во всем Петербурге нет дров), стол с белоснежной накрахмаленной скатертью и старинными серебряными приборами, изысканные яства (когда в столице давно появи-

лись непривычные ранее очереди за всем, в первую очередь – за хлебом). Деньги, которых у Евгении было много, позволяли вести необременительный образ жизни, существовать «как раньше», не задумываясь, откуда все берется.

Надежда после убийства Распутина несколько сбавила обороты, она больше не принимала участия в подозрительных аферах и махинациях. Евгения, никогда не отличавшаяся любопытством, как-то случайно наткнулась на счета от модисток и из ювелирных лавок и поразилась – ее сестра проматывает бешеные суммы. Надежда возвращалась под утро, пила черный кофе, принимала ванну и, что удивительно, заваливалась спать, моментально погружаясь в объятия Морфея. Гардеробы она меняла каждый месяц.

Сергей, рана которого постепенно заживала, принимал активное участие в деятельности различного рода заседаний и конференций, основной целью которых было вывести Россию из кризиса и привести к власти людей, достойных этого. Несмотря на смерть всемогущего старца, его ставленники и протеже удерживались на своих местах. Сергей на чем свет стоит костерил нерадивых политиков, проклинал большевиков и надеялся, что война вот-вот завершится победой сил Антанты.

– Мы победим, народ утихнет, получит свой хлеб и зрелища, – был почему-то уверен он. – Император после убийства этого бородатого мерзавца успокоится, и мы будем жить, как прежде.

Евгения, которая сталкивалась с насущными нуждами каждый день, постепенно пришла к выводу, что жизнь «как прежде» уже не вернешь. Надвигались грозные события, и она не знала, что делать дальше.

В феврале 1917 года произошел окончательный крах иллюзий Евгении и полный разрыв отношений с Надеждой. Пронзительно-холодным, снежным вечером, когда немногочисленные фонари уныло светили на улицах, а по городу, когда-то блестяще-великолепному, бродили толпы голодных и недовольных, она на два с половиной часа раньше вернулась в особняк после утомительного заседания одного из женских обществ. Обсуждалась проблема о поставках на фронт Библий и брошюрок, проповедующих правильный с точки зрения истинного христианина образ жизни.

Евгения чувствовала себя разбитой, ноги гудели, перед глазами мельтешили красно-черные мушки. В последнее время она замечала, что у нее внезапно и беспричинно болит голова и начинается мигрень. Доктора уверяли, что ей не стоит так активно заниматься общественной деятельностью, но Евгения, привыкшая быть полезной, не могла иначе.

Поэтому-то она ушла со скучного заседания раньше, добралась до дома, прошла в гостиную. До нее донеслись веселые голоса, она узнала смех Надежды и баритон Сергея. В последнее время сестра и муж, обычно не особо ладившие друг с другом, удивительно поменяли свои отношения. Сергей внезапно стал любезным, а Надежда перестала сыпать колкостями.

Ничего не подозревая, Евгения прошла в гостиную, освещенную только багровыми бликами огня из камина. И остолбенела: ее муж и ее сестра, слившиеся в экстазе любовных объятий, предавались на софе первородному греху. Евгения не могла вымолвить и слова, она часто задышала и осела на персидский ковер.

Надежда, первая заметившая внезапное вторжение, резво подскочила, Сергей виновато тер усы. Евгения чувствовала, как сердце с бешеной скоростью бьется в груди, словно намереваясь выскочить. На глаза навернулись слезы. Она посмотрела на мужа, которому безгранично верила.

– Как ты мог, – только и прошептала Евгения. – Сергей, я же тебе верила, а ты...

– Милая сестренка, а что, собственно, произошло? – с вызовом произнесла Надежда и, усевшись в кресло, закурила.

Она, как истинная эмансипе, наслаждалась лучшими сигаретами.

– Мне нравится твой муж, я нравлюсь ему, и что из этого. На дворе второе десятилетие двадцатого века, Женя, а ты живешь догмами викторианской эпохи. В наше время стыдно не изменять, ты разве об этом не знала?

– Надежда, я прошу тебя, – Сергей, уже овладевший собой, нахмурился. – Мне надо поговорить с Евгенией...

Надежда хрипло рассмеялась:

– Значит, как только я стала тебе не нужна, Сережа, ты тут же вышвыриваешь меня. Ну что же, попробуй убедить нашу толстушку в том, что у нее был обман зрения, галлюцинация, или как там это называется. Еще бы, у меня ведь денег-то практически нет, а твоя женушка, несмотря на то что жертвует всем, кому ни попадая, все еще миллионерша.

Грубо схватив Надежду за локоть, Сергей выволок ее из гостиной. Однако в ушах Евгении звучали ее обидные и резкие слова. А что, если она говорит правду? Что, если Сергей никогда ее не любил? Почему он изменил ей – да с кем, с ее сестрой!

– Я не хотел, это получилось... получилось совершенно нелепо. – Евгения еще никогда не видела мужа таким виноватым. – Женечка, я потерял голову, но я тебя сильно люблю, ты же знаешь. Люблю только тебя и нашего сына. Больше мне ничего не надо.

Как же ей хотелось верить его словам. Но имела ли она на это право? Евгения не знала. Она потеряла веру в мужа, и это было хуже всего. Евгения проплакала всю ночь, запершись в спальне. Утром, увидев в столовой Надежду, она не смогла сдержаться и наговорила ей кучу резких слов. Та не осталась в долгу и выложила Евгении все, что накопилось в ней за многие годы.

Слова, резавшие душу и чувства, окончательно отдалили сестер друг от друга. Евгения, никогда не отличавшаяся бурным нравом, заявила с не свойственной ей безапелляционностью:

– Надежда, я думаю, тебе лучше съехать из этого дома.

– Что ты говоришь? – с изумлением протянула Надежда. – Ты соизволила забыть, что этот дом принадлежит мне?

– Ты ошибаешься, – ледяным тоном произнесла Евгения. – Ты – нищая, у тебя практически нет денег. Именно я оплатила векселя твоей матери, убитой любовником в Риме, именно мне принадлежит этот особняк. Так что убирайся, пока я не выставила тебя на улицу.

– Но, Женя, – вступился Сергей. – Куда Надя пойдет, это так жестоко...

– Мне все равно, – сказала Евгения.

Она понимала, что поступает крайне несправедливо, но ей хотелось отомстить Надежде за причиненную боль, за многочисленные унижения, которым та подвергала ее все эти годы, за то, что она попыталась украсть у нее самое дорогое – ее Сергея.

– Я не ожидал от тебя такого поступка, – произнес Сергей.

– Я сама не ожидала, – ответила Евгения и, смяв салфетку, поднялась из-за стола. – Я дам тебе немного денег, Надежда, но в течение трех дней ты покинешь этот особняк. У тебя есть благодетели и воздыхатели, вот к ним и отправляйся.

Евгения была уверена – инициатором интрижки была именно Надежда. Сергей никогда бы сам не решился изменить ей, да еще с сестрой. Надежда, как всегда, склонила его к этому. Она красивая, молодая, уверенная в себе. Почему мужчинам требуется именно это?

– Хорошо, я сделаю все, что ты скажешь, – таким же ледяным тоном произнесла Надежда. – Но учти, Евгения, я тебе этого никогда не прощу. Отныне ты мне больше не сестра.

– Ты мне никогда и не была сестрой, – вставила Евгения и, хлопнув тяжелой дубовой дверью, вышла прочь.

Приехав на собрание очередного дамского комитета, она обнаружила всего двух пожилых графинь, которые мирно дремали в креслах. Никто более не изъявил желания принять участие в обсуждении насущных вопросов.

Евгения снова оказалась на улице. Только сейчас ей бросилось в глаза непонятное ликование и странная эйфория, которая царила на улицах Петербурга. Восторженные толпы что-то кричали, солдаты с красными бантами обнимались с горожанами, городские куда-то мгновенно исчезли.

– В чем дело? – удивленно спросила Евгения у подростка, продававшего газеты.

– Эх, тетя, очки-то протри, царь отрекся, – весело закричал тот. – Купи газету за полтинник – и узнаешь все!

Евгения торопливо отсчитала мальчику нужную сумму и развернула свежую, еще мазававшую пальцы типографской краской газету. Вчера вечером произошло небывалое – император Николай Второй подписал отречение, добровольно отказавшись за себя и за сына от российского престола.

Буквы плясали перед глазами, Евгения пыталась вчитываться в слова и не понимала их смысл. Она вернулась домой. Верная Ляша, которая переживала семейную бурю, притаившись в своей комнатенке, сообщила, что Сергей, узнав об отречении императора, куда-то спешно уехал. Надежды тоже не было дома.

– Что же будет, Евгения Владимировна? – запричитала старушка, для которой слово «революция» было чем-то ругательным. – Как же мы будем без императора?

Евгения не знала, что ответить, и, прижав к себе плачущего Павлушу, просидела остаток дня в кабинете, прислушиваясь к восторженным крикам и победным песням, доносившимся с заснеженных улиц.

Сергей вернулся только через тридцать шесть часов, когда Евгения, перепуганная стрельбой и беспорядками на улицах столицы, уже не чаяла увидеть мужа живым. Утомленный, прокуренный, с красными воспаленными глазами, он тем не менее дышал энергией и был в прекрасном расположении духа. Их семейный скандал ушел в далекое прошлое.

– Женечка, – он поцеловал Евгению, выпившую все валериановые капли, которые она только отыскала в особняке, – ты не представляешь, что произошло! Теперь нужно заниматься обустройством новой жизни. Увы, без императора. Эра монархии закончилась. Но к власти пришли люди, которые искренне любят нашу страну.

Заметив, что по толстым щекам Евгении бегут слезы, он воскликнул:

– Ну не плачь, моя хорошая, все в полном порядке. Мы продолжим войну до победного завершения, еще совсем немного – и покажется заря новой жизни.

Надежда, для которой крушение тысячелетней монархии не стало полной неожиданностью, заявила через несколько дней, и только затем, чтобы собрать вещи. Ее доставил роскошный автомобиль с замазанным гербом, принадлежавший, скорее всего, родовитой фамилии.

Проскользнув, как змея, в тонком облегающем пальто серебристого цвета мимо Евгении, грузно расположившейся в кресле, Надежда, обернувшись на лестнице, произнесла:

– Ты не передумала?

И, не дожидаясь ответа, добавила:

– Ну что же, Женечка, прощай. Я соберу кое-какие вещи и уеду в Лондон. Тут оставаться небезопасно. Не думаю, что мы с тобой еще когда-нибудь увидимся. За мной заедут через два часа. У нас не так много времени, чтобы сказать друг другу последние слова.

Евгения в задумчивости осталась около камина. Надежда – девчонка без царя в голове, она сумасбродна и готова пойти на любые авантюры. В конце концов, как старшая сестра она несет за Надежду ответственность. Куда она собралась, в какой Лондон, с кем именно?

Она поднялась по лестнице и направилась в кабинет Владимира Арбенина: именно там она заметила зыбкий свет. Она не может простить Надежде того, что она совратила ее мужа, но расставаться на такой ноте Евгении не хотелось. Она же обещала дать Наде денег...

В роскошно обставленном кабинете покойного отца она застала неожиданную сцену – Надежда поспешно выкладывала из сейфа пачки денег и бархатные футляры с драгоценностями. Сейф располагался за большим портретом Владимира Ипатьевича, украшавшим одну из стен. Евгения и не подозревала, что сестра знает шифр.

– Что ты делаешь? – произнесла Евгения, чувствуя, что всяческая жалость к сестре и ее порыв оказать ей помощь без следа испаряются. – Немедленно положи на место, Надежда, это тебе не принадлежит!

Оглянувшись на сестру, Надежда продолжила опустошать сейф.

– Ты думаешь, у меня нет права на часть семейных сокровищ, – зло произнесла она. – Ошибаешься, Женечка, тебе придется со мной поделиться. Я собралась в Лондон, а там деньги пригодятся. Ты ведь не против, если я навсегда позаимствую кое-что?

Она открыла один из футляров и бросила оценивающий взгляд на редкостной чистоты и красоты ожерелье из матовых овальных жемчужин.

– Кажется, это принадлежало твоей бабке, баронессе Корф. Какая прелесть, не так ли, Женечка?

– Положи немедленно на место! – взвизгнула Евгения и бросилась к сестре.

Она относилась к такому типу людей, которые, обычно уравновешенные и даже невозмутимые, на самом деле копят в себе обиды и претензии и в один прекрасный момент взрываются, фонтанируя страшным гневом.

– Это тебе не принадлежит, я не позволю! – кричала она и, ухватившись за ожерелье, что есть силы дернула его на себя. Тонкая нить порвалась, жемчужины, как горошины, с дробным стуком посыпались на письменный стол и паркет.

Надежда рассмеялась и открыла другой футляр, в углублении которого сияла сапфировая брошь.

– Без добычи я отсюда не уйду, – сказала она. – Ты думаешь, что сумеешь меня остановить? Нет, Женечка, пробил мой час. Мне надоело быть младшей сестрой. При тусклом свете ночника, в окружении старинной обстановки, они уставились друг на друга, полыхая злобой и ненавистью. Евгения сжимала в руке пустой футляр, тонкая лапка Надежды инстинктивно тянулась к литому бронзовому подсвечнику, стоявшему на подоконнике.

Внезапно внизу, в холле или гостиной, раздался пронзительно-тонкий женский крик.

– Что это? – напряглась Надежда.

Евгения посмотрела на часы, половина второго. Сергей, перед тем как отправиться на очередное собрание, предупредил ее, что в Петрограде полно бандитов и люмпенов, которые, пользуясь политическими неурядицами, вторгаются в богатые особняки и грабят тех, кто там проживает.

В доме они были вчетвером – две сестры, Павлуша и верная Ляша. Сын Евгении давно спал в детской, значит, кричать могла только Ляша.

Крик мгновенно разрядил обстановку. Надежда затаилась. Евгения близоруко оглянулась.

– Не шуми ты так, – сказала ей сестра. – Если в доме кто-то есть, а это именно так, мы не должны привлекать к себе внимания.

Она тихо щелкнула выключателем, свет погас.

– Но там же Ляша, мы не можем ее бросить, – пробасила Евгения.

Надежда шепотом приказала ей:

– Замолчи немедленно, ты же не хочешь, чтобы бездомная приبلудь изнасиловала тебя, а потом убила.

Послышались топочущие шаги, кто-то двигался по направлению к кабинету. Евгения тяжело вздохнула. Заскакал свет фонаря, потом вспыхнула большая лампа.

На пороге кабинета стоял незнакомец, высокий человек, одетый в рваную матросскую шинель, небритый, со злобным выражением лица. В одной руке у него была кочерга, в другой он сжимал ручку потрепанного докторского саквояжа из свиной кожи.

– Ага, дамочки, – сказал он, ничуть не удивившись при виде двух сестер. – Вот вы где. Я же знал, что в этом доме должны быть только бабы. Одна уже валяется внизу...

– Ляшенька! – произнесла Евгения. – Что вы с ней сделали?

– Убил, – сплюнув на паркет, ответил грабитель.

Затем его внимание привлекли драгоценности и пачки денег, разбросанные по столу.

– Ого, вы уже все для меня приготовили, – сказал он. – Вот это да, я и не ожидал, что в вашем паршивом особняке будет такая знатная добыча.

Держа наперевес кочергу, он подошел к столу, распахнул саквояж и стал сгребать украшения.

Надежда не растерялась. В глубине сейфа она заметила револьвер отца, который, как она знала, всегда был заряжен. До сейфа и спасительного оружия было всего два метра, однако матрос-грабитель зорко следил за всеми движениями Надежды и Евгении.

– Что вы с нами сделаете, тоже убьете? – прошептала Евгения.

Грабитель ответил:

– Мне нужны деньги, они у вас есть. Я не хочу оставлять свидетелей, дамочки, уж извините. Настали другие времена, теперь все дозволено. Я всю жизнь получал гроши, а теперь отберу у буржуев то, что по праву принадлежит мне. А эта бабенка, – он ткнул грязным пальцем в Надежду, – совсем даже ничего.

– В сейфе есть еще драгоценности, – спокойно произнесла Надежда. – Вы их тоже забереете?

– Ну а как же, – ответил увлеченный блеском украшений бандит. – Давай их сюда, да поживее. А потом, милашка, мы с тобой поиграем в кошки-мышки...

– Разумеется, – ответила Надежда и подошла к сейфу. Через мгновение в ее руке сверкала вороненая сталь револьвера. Она направила оружие на вторгшегося в их особняк незваного гостя.

– Эй! – закричал совсем иным тоном бандит. – Что ты делаешь, я же просто пошутил...

Договорить он не успел, грянул выстрел. Евгения, взвизгнув, упала на софу. Матрос, пошатнувшись, осел на паркетный пол. Надежда, ничуть не изменившись в лице, подошла к нему. Он тяжело дышал, в груди образовалось кровавое отверстие.

– Ты его убила, – запричитала Евгения. – Боже мой, Надя, что ты наделала!

– Иначе бы он убил нас всех, в том числе и твоего сына, – сказала та.

Грабитель скончался спустя минуту. Надежда, отобрав несколько пачек денег и драгоценностей, опустила это к себе в ридикюль.

– Мне пора. Прощай, дорогая сестра, думаю, больше мы с тобой не увидимся.

– Что мне делать с ним? – в ужасе произнесла Евгения, стараясь не глядеть на труп бандита.

Надежда рассмеялась:

– Сергей что-нибудь придумает. Передавай ему от меня пламенный привет.

У подножия лестницы Евгения обнаружила Ляшу. Та была без сознания, с окровавленной головой, но дышала. Надежда помогла перенести верную служанку на диван, а затем отправилась собирать чемоданы.

Через час с небольшим раздался нетерпеливый гудок автомобиля. Надежда, собравшая два чемодана и небольшой крокодиловый кофр, в котором она хранила самые ценные вещи и документы, направилась к выходу. Евгения обхаживала Ляшу, которая, придя в себя, тихо стонала.

– Всего хорошего, – сказала Надежда. – И не поминай лихом. Я знаю, Женя, что ты не простишь мне интрижки с Сергеем. Могу тебя уверить, совратить его оказалось сложным делом. Но запомни – мужчины умным всегда предпочтут красивых.

И, рассмеявшись, она исчезла в мартовской тьме.

Сергей, вернувшись домой и обнаружив труп грабителя, несказанно удивился. Не ставя в известность никакие органы временной власти, они следующей ночью оттащили тело на набережную и спихнули его в Фонтанку.

– Так нужно поступать со всеми, кто думает, что имеет право вторгаться в мой дом и подвергать смертельному риску мою жену и сына, – заметил Сергей, брезгливо стаскивая грязные перчатки и бросая их в пламя камина.

Полгода относительного спокойствия пролетели совершенно незаметно. Сергей заседал в разного рода комитетах и собирался занять достаточно важный пост во Временном правительстве, как вдруг грянула новая революция, полностью уничтожившая привычные порядки.

– Нужно что-то делать... – сказал Сергей хмурым ноябрьским утром 1917 года. Уже две недели власть в Петрограде принадлежала непонятым Советам рабочих, предводителем которых был Владимир Ленин.

– Это напоминает мне революцию во Франции, к власти сейчас пришли террористы и самоубийцы. Они уничтожат мою любимую державу, и я желаю воспрепятствовать этому всеми силами.

Сергей принял решение не бежать из страны, как это делали многие, а вести борьбу с новой властью, которая, как он полагал, развалится под ударами союзнических сил.

– Нам сочувствует весь мир, Франция, Англия и Америка окажут нам помощь. Лучшая амуниция, современная техника, блестящие стратеги. Что могут противопоставить нам голытьба и боевики? Мы разобьем их за несколько месяцев.

Евгения смутно припоминала, что такое же настроение царило среди ее сограждан в самом начале войны, однако все обернулось совершенно иным образом. Она отказалась уехать за границу и решила следовать за мужем.

Вместе с Павлушей они подались на юг, в области, подконтрольные приверженным старым порядкам силам. Началась гражданская война. Ее муж оказался востребованным, он всеми фибрами души ненавидел большевиков и прилагал все усилия, чтобы обрушить их власть.

Шли месяцы, которые плавно перетекали в годы. Прошел 1918 год, заканчивался 1919-й. Упоение от первых легких побед сменилось разочарованием. Один вождь в белом движении сменялся другим, в войсках царили разброд и шатания, многие офицеры заботились только о себе, занимаясь бессмысленными жестокостями и мародерством.

Евгения и Павлуша кочевали вслед за Сергеем по югу России. Терпинин фанатически верил в то, что следует немного потерпеть, и советский режим падет. У Евгении давно не было такой уверенности.

Она старалась не высказывать вслух свои мысли, боясь, что муж, который в последнее время стал излишне нервным, воспримет это всерьез, что неминуемо приведет к крупной ссоре.

В самом конце 1919 года Евгения снова повстречалась с Надеждой. Она часто думала, что произошло с ней, полагая, что сестра давно обитает на берегах Темзы. Но, как показала жизнь, Надежда так и не выбралась за границу.

Они столкнулись в небольшом южном городке, который на время стал ареной кровопролитных боев между войсками барона Врангеля и Красной Армии. Городок являлся важным железнодорожным узлом, и владеть им означало получить под контроль стратегически ценный отрезок железной дороги.

Евгения с Сергеем жили в небольшом особняке, где им радушно предоставил кров предводитель местного дворянства. По утрам она прогуливалась с Павлушей по парку, являвшему собой провинциально-бледное подобие Летнего сада в Петербурге.

Тот ноябрьский день не был исключением, стояла великолепная погода, Евгения вместе с Павлушей наслаждалась осенним солнцем. Достаточно большое число горожан тоже совершали моцион, словно война, длящаяся уже который год, и не громыхала под боком, всего в каких-то десяти километрах.

Внимание Евгении привлекла пролетка, которая остановилась около входа в парк. Оттуда вышла женщина, сидевший в пролетке мужчина, громко ругаясь, выбросил ей вслед чемодан. Явно разгорался нешуточный скандал, который привлек внимание зевак. Произнеся несколько вовсе не лестных слов в адрес дамы, мужчина грубым тоном приказал кучеру ехать дальше.

Дама, подобрав чемодан, осталась стоять на булыжной мостовой. Евгения пожала плечами. Мало ли людей, в чьи судьбы вторглась революция и гражданская война и которые путешествуют по окраинам некогда великой империи. Женщина, покинувшая пролетку, обернулась. У Евгении сперло дыхание. Это была Надежда.

Повзрослевшая, вытянувшаяся, ставшая еще более красивой и какой-то удивительно соблазнительной, Надежда стояла около чемодана и равнодушно смотрела на глазающую публику. Евгения не могла поверить своим глазам. Что сестра, которая, по ее расчетам, давно должна была переехать в Европу, делает здесь?

Она подошла к Надежде. Та вначале даже и не узнала Евгению, которая за эти годы тоже изменилась – потолстела, обрюзгла, стала носить вместо тонкого пенсне очки с толстыми стеклами.

– Евгения? – удивленным тоном протянула Надежда.

В ее глазах сверкнула радость, моментально сменившаяся презрением. Все же в Петрограде они расстались не лучшим образом.

– Надюша, как же я рада тебя видеть, – прошептала Евгения и прижала к себе сестру. Та не сопротивлялась.

– Какими судьбами? – продолжила Евгения.

Надежда неопределенно пожала худыми плечами, ей явно не хотелось распространяться на эту тему.

– Все мужчины, как я убедилась, негодяи и обманщики. Тот, который обещал мне Лондон, обокрал меня, а затем бросил. Мне пришлось путешествовать, я многое повидала, – сказала она сестре. – И вот оказалась здесь. Отсюда можно выбраться в Крым, я хочу как можно скорее бежать из России. Мне все это ужасно надоело.

Евгения и сама не раз задумывалась о том, что оставаться в России, которую она любила очень сильно, становится небезопасно. Однако Сергей и слышать не желал об эмиграции.

– Это мой племянник. – Надежда склонилась над выросшим Павлушей. – Надо же, какой ангелочек. А Сергей тоже здесь?

У нее же был с Сергеем роман, мелькнула у Евгении шальная мысль. Но это было в далеком прошлом, которое осталось за тысячи километров к северу, в столице, находящейся давно во власти большевиков. Они вели себя тогда как глупые девчонки.

– Да, и Сережа тоже здесь, – сказала просто Евгения. – Я думаю, он будет рад видеть тебя.

– Я тоже буду рада увидеть его, – томно произнесла Надежда. – В этом захолустье найдется гостиница или хотя бы хлев, в котором я могу переночевать? Этот жадный мерзавец, который выбросил меня посередине улицы, обещал довезти меня до Крыма, но изменил свои планы. Я не хочу ночевать на улице, все же ноябрь...

– Надюша, о чем ты говоришь, – поразились Евгения. – Мы живем в великолепном особняке, конечно, не в таком, который был в Петербурге, но комната для моей единственной сестры, разумеется, найдется.

– Значит, вражда между нами кончена? – спросила с легким недоверием Надежда. Евгения, всплакнув, снова по-медвежьи обняла сестру и расцеловала ее.

– О чем ты говоришь, моя маленькая девочка, ты – член нашей семьи, пошли быстрее. – И они, подхватив легкий чемоданчик Надежды, направились к особняку предводителя дворянства.

Сергей Терпинин, как и предсказывала Евгения, в самом деле оказался очень рад неожиданной встрече со свояченицей. Евгении надолго врезался в память тот вечер – они за круглым столом, покрытым желтоватой скатертью, под матовым абажуром. Ей показалось, что Надежда, которая клятвенно обещала более не иметь ничего общего с Сергеем, бросает на него пламенные взгляды.

И, что самое ужасное, Сергей отвечает ей взаимностью. В душе Евгении пробудились прежние подозрения, закипела давнишняя ревность. Или, может быть, она напрасно обвиняет сестру, подозревая ее в немыслимых преступлениях?

Все прояснилось через неделю. Войска Красной Армии постепенно окружали город, намереваясь, как сообщала разведка, взять его штурмом. Пока что оставалась узкая дорога, подконтрольная силам Белой Армии, и горожане, торопливо пакуя скарб, бежали прочь. Все были наслышаны о зверствах большевиков, никто не хотел становиться их добычей.

Надежда вела себя примерно, совершая с сестрой и племянником прогулки по саду, наслаждаясь пятичасовым чаем, ведя неторопливые разговоры. И все же Евгения чувствовала тревогу, разлитую в холодном осеннем воздухе. Она верила в судьбу, в судьбу, которая совсем не случайно снова столкнула ее с Надеждой.

Она оказалась права. Как-то днем, прикорнув на диванчике, она внезапно проснулась с резкой головной болью. Голоса, как в тот раз в Петербурге. Она прошла в гостиную. Сергей и Надежда о чем-то беседовали. Все выглядело крайне невинно, но Евгения не выдержала. Они так походили на влюбленную парочку. Ей показалось, или Надежда на самом деле держала свою ладонь в ладони Сергея?

– В чем дело, Женя? – с вызовом спросила Надежда. Сергей выглядел виноватым и растерянно потирал усы. – Мы тебя разбудили слишком громкими голосами?

– Я знаю, зачем ты поселилась у нас, – злобным, сдавленным шепотом произнесла Евгения. – Чтобы разрушить наше и без того зыбкое счастье. Ты, Надежда, всегда приносишь горе.

Надежда рассмеялась и ответила:

– Ты так и не смогла простить мне того, что было между Сергеем и мной в Петрограде. Поверь, сестра, ты ошибаешься...

– Я видела! – взвизгнула Евгения. – Видела, как он держал тебя за руку. Сергей, – обратилась она к мужу, который молча сидел рядом. – Скажи мне правду, что было между вами?

Сергей предпочел ничего не говорить. Для Евгении это было самым убедительным доказательством его измены. Все повторяется – стоило Надежде возникнуть на горизонте, как их жизнь полетела в тартарары.

– На этот раз уйду я, – заявила Евгения. – Я не собираюсь мешать вашему счастью. Если вам так хорошо вместе, то получите мое благословение. Но, Сергей, Павлушу я заберу с собой.

Молчавший супруг взорвался, посыпались обвинения, но его тираду прервала трель телефонного звонка. Сергея безотлагательно вызывали в штаб, красные начали наступление.

– Дождись меня и не предпринимай никаких глупых и поспешных решений, – сказал он Евгении. – Оставайся в городе, ты меня поняла? Я тебе потом все объясню.

Он вышел прочь.

– Я объясню тебе все, – сказала Надежда, дождавшись, пока за Сергеем хлопнет дверь. – Да, твой муж мне нравится, и я ему тоже. Все-таки, дорогая сестра, нужно иметь большое мужество и силу воли, чтобы жить с тобой. Разве кто-то может поверить, что мы родственницы?

В пыльном зеркале отражались две фигуры – приземистая, полная Евгения, выглядевшая много старше своих двадцати четырех, и изящная, тонкая, чрезвычайно красивая Надежда.

– Ну что же, я не собираюсь мешать вашему счастью, – сказала, сникнув, Евгения. – Я приняла решение. Мы с Павлушей немедленно уезжаем. А ты остаешься?

– Я предпочту остаться с твоим мужем, – почти что мурлыкая, заявила Надежда. – Всего хорошего, моя милая сестренка!

Евгения приняла спонтанное решение, которое, как заноза, засело в ее голове. Она собрала один чемодан для себя, другой для сына и через полчаса была на основной магистрали, по которой тысячи людей покидали город.

Повозки, лошади, кричащие дети, стонущие раненные – все смешалось в один причудливый и страшный караван. Евгения, оказавшаяся в самом центре людского урагана, растерялась. Ее решение покинуть Сергея уже не было таким сильным, но что оставалось делать? Дороги назад не было.

Ей посчастливилось найти место на телеге, где она примостилась в три погибели вместе с Павлушей. Накрывшись рогожей, она прислушивалась к отдаленному грохоту снарядов.

Когда около моста, пролегавшего через небольшую речушку, образовался затор, она изменила решение. Она не может оставить Сергея, она не толкнет его своим бегством в объятия Надежды.

Поэтому, соскочив с телеги и бросив чемодан с вещами, она подхватила Павлушу и повернула назад. В тот день, который давно перешел в ночь, она была единственной, кто пожелал вернуться обратно. Навстречу ей брели люди, угрюмые, потерявшие веру, отчаявшиеся. Она стремилась в город, который с одного края уже горел. Ветер развевал пламя пожара.

Добраться в особняк ей довелось только к следующему утру, когда город практически обезлюдел. Запах гари наполнял воздух, бои шли уже в самом городе. Евгения в спешке вбежала в особняк, который выглядел пустым и брошенным.

Так и есть, все перевернуто вверх дном, ни Надежды, ни Сергея не было. Евгения в изнеможении опустилась на ступеньки лестницы. Она потеряла мужа, что же ей делать дальше?

– Ты вернулась? – услышала она удивленный голос сестры.

Та, привлеченная шумом, осторожно выглянула из комнаты на первом этаже. В руке она сжимала топор.

– Что ты здесь делаешь? – продолжила Надежда. – Сергей бросился вслед за тобой, он разыскивает тебя. По твоей милости, любезная сестра, он стал практически дезертиром.

– Ты лжешь, – побледнела Евгения. – Этого не может быть!

– Очень даже может. – Надежда отшвырнула топор. – Я думала, что нравлюсь ему, однако он любит только тебя, теперь ты удовлетворена сполна, Женечка? Я пыталась отговорить его от идиотской затеи, но он словно обезумел. Ему нужны ты и Павлуша.

Евгения не знала, что делать дальше. Сергей разыскивает ее, но откуда же он может знать, что она приняла спонтанное решение вернуться в город?

– Я тоже не собираюсь задерживаться, – сказала Надежда. – Советую тебе дожидаться его здесь. Он обещал мне, что вернется и заберет меня. Он все-таки джентльмен, никогда не бросит на произвол судьбы даму.

– Сережа обещал вернуться? – восторженно воскликнула Евгения. – Я обязательно его дождусь!

– Тогда хоть топор прихвати, – посоветовала ей Надежда. – И, если что, смело опускай его на голову люмпенов. Я же не собираюсь ждать, пока в город вступят большевики. Прощай!

Сестры вновь расстались. Евгения провела бессонную ночь, вздрагивая от каждого шороха и втайне надеясь, что Сергей вот-вот вернется в особняк. На улицах царил подлинный хаос, пожар разрастался, громыхали взрывы, под городом взлетали на воздух оружейные склады. Вжавшись с сыном в кресло, Евгения сидела в темноте и молилась. Ей так хотелось снова увидеть Сережу.

Ее молитвы были услышаны. Он вернулся.

– Надежда, ты все еще здесь? – спросил Сергей, врываясь в особняк. Взмыленную лошадь он оставил около входа, а сам, одетый в легкую шинель, бросился в гостиную. Вместо Надежды он застал жену. Не говоря друг другу ни слова, они обнялись. Сергей поцеловал спящего Павлушу и произнес: – Как же я рад, Женечка, что ты передумала.

– Я знаю, что поступила глупо, – сказала Евгения.

– Между Надеждой и мной ничего не было, – твердо произнес Сергей. Он лгал, но это была, как считал он сам, ложь во спасение. Надежда – это ошибка, но зачем Евгении знать, что он провел предыдущую ночь в объятиях Надежды. – Твоя сестра, безусловно, очаровательная женщина, но это вовсе не повод, чтобы повторять ошибки. Ты же мне веришь, Женя?

– Конечно, – прошептала Евгения и прижалась к груди мужа. – Сережа, я тебе верю!

Господи, какая ей теперь разница, им бы выбраться живыми и невредимыми из города!

– Вот и хорошо, – сказал он. – Но теперь нам необходимо действительно выбираться из города. Коллапс неизбежен, большевики уже захватили северную часть. У нас еще есть возможность бежать. Но для этого потребуется хотя бы вторая лошадь, моя уже выдохлась, да и одна она нас втроем не выдержит.

С этими словами он вручил Евгении небольшой сверток.

– Здесь документы и драгоценности, твои драгоценности, – сказал Сергей. – Береги их, они нам пригодятся. Я думаю, что был в плену наивных иллюзий, когда считал, что мы сможем восстановить прежний порядок. Это невозможно. Надежда права, нам остается только одно – бежать за границу.

Евгения с облегчением перевела дух. Все нормализуется, они убегут из России, охваченной огнем гражданской войны, как можно дальше, в Европу или даже Америку. У них есть драгоценности, а значит, на первое время деньги найдутся.

– Жди меня здесь, – приказал Сергей. – Я скоро вернусь. У нас в запасе не так уж много времени. И ради бога, прошу тебя, Женя, никакого бегства в неизвестность. Ты и Павлуша дороже мне всего на свете.

Евгения проводила его до двери. Что же, осталось подождать совсем немного...

Полчаса спустя Сергей вернулся с повозкой и новой лошадей. Евгения предпочла не спрашивать, где он умудрился их достать, – в осажденном городе приобрести средство передвижения нельзя было ни за какие деньги. Значит, ради нее и сына он пошел на преступление?

– Быстрее, у нас совершенно нет времени, большевики уже в городе, – приказал он. – Надеюсь, нам повезет.

Им не повезло.

Их остановили на самом выезде из города. Патруль, состоящий из облаченных в кожаные куртки молодых рабочих с винтовками наперевес, вышвырнул Евгению с ребенком из повозки. В Сергее сразу же распознали белого офицера – шинель, форма, внешность...

– Значит, белая сволочь, потихоньку драпаешь. И прихватил с собой служанку или кого там, – Евгения, одетая в нелепую фуфайку и юбку, перемазанная сажей, с ревущим Павлушей, никак не походила на жену белого офицера.

– А ну, пошла прочь, дура, – прикрикнул на нее один из большевиков, бородатый молодой мужик. – А вот с этим господином мы разберемся прямо на месте.

– Прошу вас... – начала Евгения, но Сергей перебил ее:

– Это кухарка со своим сыном, не трогайте их...

– Да зачем нам эта кулема, – сплюнул бородач. – Ты нам нужен, белая вошь, только ты. Что, сознавайся, в штабе работал, супротив нас воевал, гнида?

Евгению отпихнули в придорожную канаву. Она прижала к себе сына и пакет с драгоценностями. Слезы душили ее, она все поняла. Они не оставят Сергею жизнь, они его убьют. И

она ничего не в состоянии изменить. Он прав, если она выдаст себя, то расстреляют их втроем. Она не имеет права рисковать жизнью Павлуши. Но Сергей, что будет с ним?

Впечатавшись в мерзлую землю, Евгения закрыла уши руками, и все равно через несколько минут до нее долетели отрывистые выстрелы. Все было кончено.

Сергея расстреляли без суда и следствия. Прямо в степи.

– Ну все, баба, ты свободна, – с удовлетворением произнес бородатый предводитель отряда большевиков. – Кокнули мы твоего мучителя, теперь давай шуруй отсюда, пока я не передумал.

Евгения, оторопев, смотрела на тело Сергея, лежавшее всего в десятке метров от нее. Он только что был живой – и вот расстрелян. Она не чувствовала боли или скорби, только перед глазами плясали черно-красные мушки. Ее муж, которого она любила более всего в жизни, возможно, даже больше, чем сына, был убит практически на ее глазах. И по ее вине?

Нет, по вине Надежды. Если бы Надежда не возникла здесь внезапно, как привидение, если бы она не внесла сумятицу в их жизнь... Они бы давно были где-нибудь на пароходе, уносящем их в благословенную Турцию. Во всем виновата именно Надежда, никто, кроме нее!

Боль и осознание потери пришли позднее. Евгения не знала, как смогла выжить. Скорее всего, только мысль о том, что к ней прижимается голодный и завшивленный Павлуша, помогла ей сохранить разум.

Они брели по дорогам, им встречались и белые, и красные, но Евгения, погрузившаяся в бездонную тьму отчаяния, ничего не замечала. Она жила инстинктами и воспоминаниями.

Ей удалось нагнать колонну беженцев, покинувших город, в их числе она достигла одного из южных портов. Там-то она и приобрела револьвер, который должен был сослужить ей верную службу – убить Надежду. Это роковое решение она приняла сознательно. Надежда поплатится за все, что произошло с ней. Она ответит за тягчайшее преступление, за смерть Сергея.

Страшная картинка – мертвый Сергей, нелепо вытянувшийся в степи, – преследовала ее по ночам. Именно поэтому Евгения так стремилась покинуть Россию. Эта страна, некогда так горячо ею любимая, осталась в невозвратном прошлом. В прошлом остался Петербург, верная Ляша, их особняк, Сергей... Ничто более не связывало ее с Россией.

Получить место на пароходе, идущем в Константинополь, оказалось совсем непросто. Обезумевшие люди были готовы выложить все, чтобы оказаться вне хаоса гражданской войны. Пугающие слухи разрастались, как снежный ком. Говорили, что вот-вот большевики займут порт, и тогда всех, кто не сумел бежать, расстреляют. Шептались, что союзники, обещавшие прислать несколько линкоров, на самом деле обманули. Намекали, что, возможно, откроют воздушную переправу. Никто не знал, чему верить.

Евгения, всучив матросу бриллиантовую брошь и кольцо с изумрудом, получила место в каюте третьего класса.

Прижав к себе Павлушу, она шагнула на палубу «Князя Игоря». Обернувшись, она бросила прощальный взгляд на русский берег. Неужели она не вернется сюда никогда? Нет, режим большевиков падет, все говорили, что силы Антанты вот-вот ворвутся в Петроград, ждать осталось немного. Шайку политических безумцев повесят, и все, кто не по своей воле покинул Россию, вернутся обратно.

Нужно совсем немного подождать, и тогда мечты станут явью. И все же Евгения знала, что прошлого не вернуть. Она никогда больше не увидит Сергея, а Павлуша никогда больше не увидит отца...

Револьвер был запрятан глубоко под одежду, так же, как и драгоценности.

Евгения вскрикнула. Ей вдруг показалось, что в портовой толчее она заметила Надежду. Или это только обман зрения, она выдает желаемое за действительное?

Ну что же, она обязательно найдет сестру. И тогда... Она безжалостно застрелит Надежду. Та виновата в смерти Сергея, и этого Евгения не могла ей простить.

«Князь Игорь» отошел от причала. Кое-кто бросился в воду, желая в последний момент попасть на пароход. На берегу оставались еще тысячи людей, которые стекались в порт с единственным желанием – бежать прочь. Возможно, где-то там и была Надежда. Евгению это пока мало интересовало, она знала, что рано или поздно найдет сестру.

Прибыв в Константинополь, она сумела достаточно выгодно продать пару аквамариновых подвесок и несколько колец с бриллиантами. Этих денег хватило, чтобы перебраться в Берлин.

Война закончилась, Германия, как и Россия, стала республикой, однако сумела избежать пролетарского переворота. Евгения бегло говорила по-немецки, поэтому ей не составляло особого труда влиться в жизнь почтенных бюргеров.

В немецкой столице Евгения осмотрелась, сняла по дешевке крошечную квартиру в мансарде, начала работать. Сначала она поступила в мясную лавку продавщицей, затем пошла работать в цветочный магазин.

Сменив несколько подобных мест, она обратилась в Гумбольдтский университет. Когда-то, до войны, у нее были приятельские отношения с профессором физики Клаусом Майдтом, который крайне положительно отзывался о ее научных изысканиях. Как же это было давно, кажется, как будто в другой жизни!

Профессор Майдт, почтенный седовласый карлик, с восторгом встретил госпожу Евгению Терпинину, с которой переписывался до войны.

– Моя дорогая! – воскликнул он. – Я уже и не чаял снова получить от вас письмо, и уж точно не мог и надеяться познакомиться с вами лично.

Он принимал Евгению и Павлушу, уже бойко говорившего по-немецки, в своей уютной квартирке, обставленной в плюшево-мармеладовых тонах. Казалось, война прошла мимо профессора Майдта и его сдобной, улыбчивой супруги. Они крайне радушно приняли Евгению, профессор моментально выхлопотал ей место на своей кафедре.

– Госпожа Терпинина, я почту за честь заполучить вас в качестве преподавателя, – заявил он. – Ваши мысли уникальны, подчас даже гениальны. Забудьте о проблемах и неурядицах, отдайтесь сполна фундаментальной науке. Что может быть великолепнее физики! Запомните, двадцатый век – это век энергии и межатомарных реакций! Сейчас, увы, после этой нелепой войны бюджеты университетов урезаны до невозможности, но вас это ни в коем разе не должно беспокоить.

Узнав, где проживает Евгения с сыном, добродушный профессор Клаус Майдт ужаснулся и немедленно отыскал уютный особнячок по вполне приемлемой цене. Евгения не могла поверить – ее проблемы были решены в мгновение ока. Она получила место в университете, вновь стала заниматься наукой.

Так прошло два года. Все это время Евгению не оставляла мысль отыскать Надежду. Ее кровавые планы отомстить только обрастали новыми подробностями. Поэтому где только можно Евгения наводила справки, стараясь выйти на след сестры.

Однажды ей повезло, она нашла на ее след в Мюнхене, однако, прибыв туда в спешном порядке, она узнала, что госпожа Надин Арбенина, как теперь величала себя Надежда, выписалась из отеля всего полчаса назад и отбыла в неизвестном направлении. Евгения снова упустила сестру.

Она успокаивала себя мыслью, что, согласно теории относительности, которой она занималась в университете, она рано или поздно столкнется с Надеждой.

Жизнь в Берлине постепенно входила в обыденное русло, Евгения, реализовав некоторые из оставшихся драгоценностей, приобрела симпатичный особнячок. Павлуша пошел в немецкую школу.

Глядя на сына, Евгения с волчьей тоской вспоминала Сергея. Как же ей хотелось вернуть прошлое. Но, к великому сожалению, она знала, что это невозможно. Но ей так хотелось, чтобы

Сергей был вместе с ней и сыном и смог насладиться безмятежным счастьем их берлинской жизни...

Вскоре Евгения убедилась, что несчастья, о которых она постепенно стала забывать, преследуют ее. Все началось с того, что Павлуша заболел. Она не придавала особого значения простуде, как она считала. Он продолжал ходить в школу, а по вечерам резвился с соседскими детьми. Однако простуда не проходила, и через несколько дней, вернувшись под вечер из университета, она застала его лежащим без сознания на полу спальни.

Тогда-то Евгению и охватил панический ужас. Она не может потерять Павлушу, своего маленького и горячо любимого сына, кровиночку, которая связывала ее с Сергеем! Ребенка немедленно доставили в лучшую берлинскую клинику, благо у Евгении было достаточно средств, чтобы оплатить любые медицинские расходы.

Она помнила, как профессор Майдт и его супруга, ставшие ей почти что родителями, моментально примчались в клинику и вместе с ней ожидали вердикта врачей. Он оказался неутешительным.

– Дифтерия, – сказал, поджав губы, холеный врач. – Фрау Терпинин, мы делаем все, что можем, но состояние вашего сына внушает серьезные опасения. Если бы вы доставили его хотя бы на сутки ранее, тогда бы мы обязательно спасли его, но сейчас...

На сутки ранее...

Она не могла поверить, она снова оказалась виноватой. Когда-то по своей глупости она убила Сергея, а сейчас поставила на грань смерти Павлушу. Она никогда не простит себе, если с мальчиком произойдет худшее!

– Все будет в полном порядке, – старался убедить ее маленький профессор Клаус Майдт. – Вот увидите, Евгения, ваш сынок выздоровеет, дифтерия не такая уж страшная болезнь, мой внук... – И он пускался в влеречивые рассуждения, которые вроде бы должны были успокоить Евгению, однако на самом деле ввергали ее в истерическое состояние. Она чувствовала, как холодок ползет по ее спине, а перед глазами мельтешат уже знакомые черно-красные мушки.

Она, ожидая новостей, заснула в неудобном деревянном кресле, стоявшем в холле больницы. Проснувшись Евгения оттого, что профессор Майдт теребил ее за руку. Он выглядел виноватым, рядом с ним стояла его супруга с заплаканными глазами и хлюпающим носом.

– Что произошло, профессор? – внезапно охрипшим голосом произнесла Евгения. Она вдруг поняла, что Павлуши не стало. Было раннее мартовское утро, стояла прелестная теплая погода.

– Евгения, вам надо крепиться, – сказал профессор, отводя взгляд. – К сожалению, врачи делали все, что могли, но, вы сами понимаете, не все в их власти...

– Ваш сынок умер двадцать минут назад, – завершила фразу госпожа Майдт.

Евгения оторопело уставилась в беленый потолок. О чем она говорит, Павлуша умер?

– Я желаю его видеть, – медленно произнесла она.

Ее проводили в комнату, где на столе лежал Павлуша – такой маленький и беззащитный. И удивительно красивый. Создавалось впечатление, что он заснул и вот-вот откроет глазки.

На самом деле он был мертв. И Евгения, вместо того чтобы быть с сыном в его последние минуты, проспала в кресле. Она, мать, ничего не почувствовала.

– Поплачьте, вам будет легче, – старалась подбодрить ее жена профессора с удивительной нетактичностью. – Мои два сына тоже скончались, правда, в младенчестве...

Какое ей было дело до сыновей профессора Майдта! Павлуша умер. Павлуша, который олицетворял для нее все в этом мире, ради которого она жила и который позволил ей выжить после смерти Сергея.

Госпожа Терпинина держалась на редкость собранно и мужественно. Ни капли слез, ни единого всхлипа. На скромных похоронах присутствовали только она и Майдты. Маленький деревянный гроб легко скользнул в могилку на немецком кладбище.

Так Евгения потеряла сына.

Она снова обвиняла себя в произошедшем. Если бы она раньше заметила симптомы, если бы она была заботливой матерью... Снова и снова она возвращалась к назойливой, страшной мысли – во всем виновата Надежда. Это по вине сестры они оказались в Берлине, а следовательно, она и виновата в том, что Павлуша подцепил где-то эту заразу, отправившую его на тот свет.

С утроенными усилиями, подхлестнутыми неким подобием безумия, она ринулась на поиски сестры. Прошло полгода, прежде чем, истратив изрядную сумму денег, она узнала, что Надежда обитает в Гамбурге, в районе «красных фонарей», в дешевенькой квартирке на Рипербане. На этот раз она ее не упустит!

Собрав немногочисленные вещи, Евгения приехала на поезде в портовый город. В ридикюле она сжимала револьвер, заряженный шестью патронами. Она всадит пули одна за одной в сестру и, может быть, тогда почувствует себя лучше...

И вот теперь, сидя в гроыхающем трамвае, Евгения думала о том, что же ей делать дальше. Она обрела сестру и племянника – и снова потеряла их. Что могло произойти с Надеждой, куда она делась после убийства итальянца?

Возможностей оставалось не так уж много. Надежда бежала. Наверняка она отправилась в порт и села на один из кораблей. Но как узнать, на какой именно?

В который раз Евгения проклинала себя за то, что не оставила сестре свой берлинский адрес или хотя бы координаты отеля в Гамбурге, где она проживала. Она снова потеряла тех, кого любила. Какая же она дура!

И, склонившись на соседнее сиденье в трамвае, она зарыдала. Пассажиры с удивлением и сочувствием смотрели на богато, но безвкусно одетую полную даму, которая сотрясалась в беззвучных рыданиях. Видимо, у нее произошло несчастье...

Надежда, выбежав из дома вместе с Сережей, оглянулась по сторонам. Она только что застрелила человека. Когда-то давно, в Петербурге, она уже стреляла в грабителя. Но то было совсем другое время и совсем другие обстоятельства.

Итальянец пришел, чтобы получить обратно свои деньги и украденное кольцо с рубином. Она давно проела и то и другое, у нее ничего не осталось. Зря тогда она связалась с членами коза ностры, потому что теперь они точно не оставят ее в покое. Они будут мстить за убитого. Хуже ситуации Надежда и представить не могла.

У нее была пачка банкнотов, оставленная Евгенией. Сестра не сказала, где она остановилась в Гамбурге, а Надежда и не спросила. Но чем ей может помочь Евгения, она начнет причитать и квохтать, от нее не дождешься реальной помощи.

– Мама, что случилось с дядей? – тербил ее за край легкого пальто Сережа.

Подхватив сына на руки, Надежда ответила:

– Дядя решил отдохнуть... Нам пора, маленький...

– Мы снова переезжаем, – захныкал Сережа, который уже привык к постоянным скитаниям по Европе. – А где та смешная толстая тетя, которая целовала меня? Мамочка, она вернется?

– Думаю, что нет, – произнесла, оглядываясь по сторонам, Надежда.

Выстрел был громким, ей показалось, что двери нескольких квартир хлопнули, когда она сбегала вниз по лестнице. Понаедет полиция, итальянцы тоже кинутся на ее поиски.

Она пересчитала наличность. Что же, Евгения умела быть щедрой. Этих денег хватит, чтобы перебраться из Германии, например, во Францию или Испанию. Там, вдали от всех бед, она обоснуется с Сережей, и, может быть, через пару лет, когда все уляжется, она разыщет сестру в Берлине.

Поймав такси, она собиралась было приказать вести себя и Сережу на вокзал, но вдруг ей пришла в голову мысль получше. Конечно же, она так давно мечтала об этом!

– В порт, – сказала она, моментально поменяв решение. – Везите нас в порт, вы слышите?

Индифферентный водитель, которому было все равно, куда доставлять пассажиров, лишь бы у них имелись деньги, молча кивнул. В голове Надежды моментально созрел план. Сколько раз, глядя на белоснежный пароход, она мечтала о том, чтобы оказаться на другом конце света, где-нибудь в Южной Америке, Австралии или Юго-Восточной Азии. Ее всегда влекла экзотика. И вот на ее долю выпал уникальный шанс – удрать из промозглого, туманного Гамбурга. Там, где-нибудь в Боливии или Парагвае, мафиози ни за что не отыщут ее. Она сможет преспокойно найти себе обеспеченного мужа-плантатора, в этом Надежда не сомневалась, и обеспечить будущее себе и Сереже.

Они оказались в порту, Надежда подбежала к кассам. Так и есть, в огромном приморском порту находилось несколько пароходов, совершавших круизы. Она сразу же отмела возможность отправиться в Венецию и Флоренцию. Нет, хватит с нее итальяшек, прочь из Старого Света.

Вот то, что ей надо. Круизный пароход с великолепным названием «Мона Лиза» вечером отправляется через океан в теплые края, куда-то в Южную Америку. Надежда мельком взглянула на расписание плавания. Куба, Мексика, Венесуэла, Коста-Бьянка... Какие заманчивые романтические названия!

– Осталась всего лишь одна каюта первого класса, – сказал кассир. – Вы желаете приобрести билет? Ваш мальчик, если ему нет пяти, имеет право сесть на «Мону Лизу» бесплатно.

Надежда задумалась. Каюта первого класса, великолепное обслуживание, ресторан, прогулки по палубе, восходы и закаты... Но у нее совершенно нет вещей, она захватила только документы и деньги.

– Да, я покупаю этот билет, – решительным тоном произнесла она и протянула кассиру почти всю наличность. У нее останется совсем немного денег, но что поделаешь, в конце концов, не в первый раз в своей короткой жизни Надежда оказывалась в подобной переделке.

– Прошу вас. – Несколькими минутами позже она получила конверт с красочным билетом. – Мадам, «Мона Лиза» отходит сегодня вечером, в 19 часов.

Решение было принято, Надежда с сыном отправилась в магазин, чтобы на крошечный остаток денег купить хотя бы чемодан.

Несколькими часами позднее, когда Евгения, мучимая совестью и тяжелыми воспоминаниями, тряслась в трамвае по Гамбургу, ее сестра, крепко сжимая ручку сына, поднялась на борт белоснежной красавицы «Моны Лизы».

Вслед за ней несли три презентабельно выглядевших кожаных чемодана, которые она, впрочем, приобрела на дешевой распродаже. В чемоданах были камни, придававшие вес, несколько носильщиков с уважением смотрели на гордую, но бедно одетую даму, важно шествующую впереди них. Надежда умела прозводить должное впечатление. У нее не было даже лишнего платья, но эта проблема пока что особо не волновала ее.

Пароход поразил ее своими размерами, красотой и непревзойденным шиком. Было около пяти часов вечера, богато одетые дамы и господа неспешно поднимались на «Мону Лизу», сновали носильщики, транспортируя дорогие чемоданы, картонки, кофры. Надежда отметила, что не выбивается из общей картины и выглядит вполне достойно. Она решила, что будет выдавать себя за польскую эмигрантку, графиню... ммм... Ильицкую, которая вместе со своим

сыном после трагической гибели супруга на... на охоте... решила прийти в себя от пережитого стресса и отправилась в заморские страны.

– Госпожа графиня, прошу вас, – вышколенный стюард склонился перед ней, отворяя дверь каюты первого класса.

Надежда, вспомнив былые годы в Петербурге, не замечая прислуги, прошла внутрь. Что же, совсем неплохо. Обстановка из красного дерева, гостиная, обитая золотистыми обоями, спальня с огромной кроватью, строгий кабинет, детская спальня. Все, как в шикарном отеле. У нее будет почти что месяц, чтобы найти выход из тупиковой ситуации, в которой она оказалась.

– Чемоданы можете оставить здесь. – Она хотела как можно быстрее остаться одна. Широким жестом она положила в руку носильщика несколько монет. Тот, довольный более чем щедрыми чаевыми, исчез.

Ну вот, у нее больше нет денег. Последние монеты она отдала в качестве чаевых. Надежда никогда не задумывалась о том, что ждет ее впереди.

Усевшись в мягкое кресло, она посадила на колени Сережу и закрыла глаза. Все ее неприятности остались позади, начинается новый этап ее жизни.

Спустя два часа «Мона Лиза», призывно гудя, вышла в Эльбу и направилась к Северному морю, чтобы оттуда попасть в Атлантический океан.

Надежде, знакомой с тонкостями придворного этикета и поведением подлинных аристократов, не составило труда убедить окружающих в том, что они имеют дело с графиней Надин Ильицкой, знатной польской аристократкой. В Петербурге у нее была хорошая знакомая с такой фамилией, представительница древнего рода. Никто не мог заподозрить родственницу последнего польского короля в том, что по вечерам, когда многие каюты остаются незапертыми, она крадет у богатых пассажиров деньги и мелкие драгоценности.

Благо, на круизном пароходе была предусмотрена лавка модистики, и Надежде не составило труда заказать себе шикарный гардероб, чтобы выглядеть в полном блеске своих почти двадцати пяти лет. Сережа получил матросский костюмчик и вскоре резвился с детьми других пассажиров на первой палубе.

Взирая вниз, на третью палубу, Надежда с затаенным страхом думала о том, что совсем недавно она влачила подобное существование. Но и перед ней маячила перспектива снова оказаться в нищете. А очень не хотелось покидать уютную каюту и переселяться в дешевый отель или скудно меблированные комнаты.

Она завязала знакомства, долгий круиз этому способствовал. Все были восхищены шармом и очарованием польской графини, которая так живо повествовала об ужасах, через которые она прошла вместе с сыном и мужем.

– Наш родовой замок под Варшавой спалили большевики, они повесили всех наших слуг, – придумывала Надежда. – К сожалению, большая часть семейных реликвий, картины Рембрандта и Рафаэля, погибли в огне, большевики разграбили нашу уникальную сокровищницу и расколотили китайский фарфор. Нам с мужем достались сущие крохи...

– Бедная графиня, – вздыхали ей вслед. – Ей только двадцать пять, а сколько выпало на ее долю!

– Мой супруг, Вацлав, был самым добрым и заботливым мужем на свете, – прижимая к глазам крошечный кружевной платочек, рассказывала Надежда. – У Сержа не могло быть отца лучше, но что поделаешь... У каждого своя судьба, которой не миновать, теперь я это понимаю... Он был на охоте, произошел ужасный по нелепости несчастный случай. Когда прямо на него выскочил вепрь...

– Надин, вы же говорили, что это был взбесившийся лось, – поправила ее новая подруга, жена мыловаренного короля из Гамбурга, носившая непомерные бриллианты.

– Ах да, это был лось, вы, как всегда, правы, моя милая Гертруда, – продолжала и глазом не моргнув Надежда. – Приятель моего мужа, один из клана Рокфеллеров, неудачно выстре-

лил... пуля попала Вацлаву в грудь, он скончался на моих руках, и его последние слова перед тем, как он навсегда закрыл свои прелестные темно-синие глаза, были: «Я люблю тебя, моя дорогая жена, я люблю тебя больше всего в этом мире...»

– Какая очаровательно-романтическая история, – вздыхали дамы, в который раз выражая сочувствие графине Ильицкой. – Мы так вам соболезнуем...

– Поэтому после похорон Вацлава я с сыном и решила отправиться в круиз, наш дом в Берлине навевает на меня тяжелые воспоминания, я больше не могла оставаться одна в нашем особняке на Унтер-ден-Линден...

– Дорогая, – вновь встревала слишком заиклившаяся на деталях супруга мыловаренного фабриканта, – но вы же говорили, что до смерти Вацлава проживали в Мюнхене...

– О да, – быстро исправилась Надежда, – но мой несчастный муж был плохим коммерсантом, наш чудесный мюнхенский дом пришлось продать, у меня не так уж много средств к существованию, вы же понимаете... Теперь я посвятила себя этому ангелу, – и она прижимала к себе кудрявую головку Сережи. – Мой маленький Серж – это все, что у меня есть...

Последняя фраза была сущей правдой!

На «Моне Лизе» путешествовало предостаточно обеспеченных мужчин, которые положили глаз на изящную красотку графиню. Надежда не собиралась становиться чьей-то любовницей, она намеревалась удачно выйти замуж. Она усиленно обхаживала голландского ювелира и американского сенатора, не зная, кому из них отдать предпочтение.

Путешествие постепенно и неизбежно подходило к концу. Еще неделя, и «Мона Лиза» отправится в обратный рейс на Гамбург. Надежда стала испытывать легкое беспокойство. Польская графиня всем нравилась, все плакали над ее трагической, почти как в романах Ги де Мопассана, жизнью, но никто из мужчин не выказывал ни малейшего желания ей помочь.

Ювелир из Амстердама, который по праву считался одним из самых богатых людей этого небольшого королевства, преподнес графине Ильицкой брошку в виде тонкой веточки из платины, усыпанной крошечными бриллиантами, но ей хотелось большего – заполучить его руку и сердце и, таким образом, тяжеленный кошелек.

Сенатор, целовавший ей руки и сыпавший на плохом немецком стандартными комплиментами, намекнул, что у него в Миннесоте вскоре начнется предвыборная кампания и если графиня имеет возможность ее финансировать, то он будет рад видеть ее своей второй супругой. Надежда фыркнула и дала лысому Джорджу отставку – помимо всего прочего, выяснилось, что у него от первого брака восемь детей и долгов на семьсот пятьдесят тысяч долларов.

Лайнер останавливался в райских местах. Латиноамериканские страны, полные неги и диковинных фруктов. Надежда грезилась длинными песчаными пляжами, уходящими за горизонт, великолепными закатами, когда бордовый шар солнца погружается в бронзу океана, терпко-ароматными тропическими цветами диковинных расцветок.

– Вы не находите, что Эдем был именно здесь? – С таким вопросом по-французски обратился к ней сморщенный старец, которого Надежда часто замечала прогуливающимся по палубе. Он не привлек ее интереса, потому что наверняка был не таким уж обеспеченным – он внимательно и слишком придирчиво штудировал меню, выбирая блюда подешевле и скупясь на чаевые.

– Позвольте представиться, Ринальдо Баррейро, – сказал он и сухими старческими губами прикоснулся к трепещущей ладони Надежды. – Графиня, мы находимся в Коста-Бьянке, вам что-нибудь говорит это название?

– Увы, господин Баррейро, я не так уж сильна в географии, – рассмеялась Надежда.

Облаченная в легкое открытое платье кремовой расцветки, она была подлинным мотыльком, залетевшим в сверкающий всеми цветами радуги сад. Они наслаждались видом тропического острова, лежа в шезлонгах под теплым солнцем. Надежда не могла поверить, что это происходит именно с ней.

– О, госпожа графиня, вы многое упустили, не побывав со своим супругом, когда он был еще жив, в Коста-Бьянке, – продолжил Ринальдо Баррейро. – Эта страна – моя родина. Я в последние годы из-за неотложных дел находился в Европе, но теперь возвращаюсь на родину. Вам нравится этот остров? – Он указал на берег, к которому причалила «Мона Лиза».

– Я бы хотела остаться здесь навсегда, – с тоской протянула Надежда. Она не лгала. Ее пленяли заморские острова, полные неторопливой жизни, удивительной флоры и фауны и какого-то особого мироощущения. – Здесь все иначе, чем в Европе.

– Вы совершенно правы, – подхватил ее мысль Ринальдо Баррейро. – Коста-Бьянка – не очень большое южноамериканское государство. Сама страна лежит на материке, но наиболее красивые места расположены на островах, раскиданных вдоль побережья. Это рай, уверяю вас! Но рай только для избранных. И я – один из них.

Надежда запомнила разговор с Ринальдо Баррейро. Ей бросилось в глаза, что старичок явно ею заинтересовался. Она навела справки у капитана, галантного морского волка, который, как и все, был в восхищении от польской графини Надин Ильицкой и ее очаровательного малыша Сержика.

– О, госпожа графиня, – сказал капитан, предлагая графине сигарету. – Ринальдо Баррейро, пожалуй, самая выдающаяся личность на «Моне Лизе». После вас, конечно же. Начну с того, что он ужасно богат...

– Неужели? – чересчур торопливо произнесла Надежда. – Я имею в виду, – поправились она, дабы ее алчность так не выделялась, – что он совершенно не выглядит как богатый человек. И уж точно не как очень богатый...

– О, тут вы правы, милая графиня, – ответил капитан. – Господин Баррейро считает, что выставлять напоказ богатство вовсе не обязательно. Но уверяю вас, он обладает колоссальным состоянием. Я знаком с ним уже лет двадцать. Ему принадлежит половина этой чудесной тропической страны Коста-Бьянки, возможно, даже больше. У него огромные плантации кофе и бананов, он занимается разработкой апатитов, изумрудов и нефти. Лет десять назад он затеял строительство грандиозной железной дороги, пересекающей два американских континента с севера на юг. Проект лопнул, но многомиллионный фонд осел в чьих-то карманах. Интересно, в чьих же? Затем он занялся обустройством телефонных компаний и сосредоточил в своих руках всю инфраструктуру Коста-Бьянки. В Европе он промышлял на бирже и, судя по слухам, не только ничего не потерял, но и приумножил свои и без того большие капиталы. Не удивлюсь, если он окажется самым богатым человеком в Южной Америке. Он мультимиллионер...

– О, капитан, – Надежда взяла моряка под руку. – Расскажите мне побольше о господине Баррейро. Он, если честно, просто очаровал меня...

– Графиня, вам следует быть осторожным с Ринальдо, – предупредил ее капитан. – Он выглядит как дряхлая морская черепаха, однако на самом деле он полон энергии и сил. У него было четыре жены, и сейчас, после смерти своей последней супруги, он, как я вижу, намеревается обзавестись пятой.

Это чрезвычайно подходило к планам Надежды. Южноамериканский мультимиллионер, ищущий спутницу жизни, – что может быть приятнее для уха бедной дамы с ребенком, на которую охотятся итальянские головорезы?

– Позвольте дать вам совет, графиня, – сказал капитан.

Они остановились на корме судна. Солнце, отливающее всеми оттенками розового, превращало облака в перламутр, день клонился к завершению.

– Ринальдо очень опасный человек, недаром все его жены, а они были моложе его на двадцать и даже тридцать лет, скончались через три-четыре года после брака. Об одной, его первой супруге, точно известно, что он убил ее – затравил до смерти собаками. Если бы это произошло у нас в Германии, то ему бы не избежать тюрьмы и, возможно, виселицы, но в Коста-Бьянке свои законы. В этой республике, ужасно богатой природными ресурсами, за последние

десять лет, наверное, сменилось девятнадцать правительств и четыре президента. Законность здесь синоним коррупции, справедливость на стороне богатого и сильного. Ринальдо удалось замять скандал, откупившись подношениями чиновникам. Другие его жены умирали также как-то слишком подозрительно и часто. Ходят слухи, что он, подобно Синей Бороде, избавляется от надоевших супругов при помощи сильнодействующего яда. В тропиках много растений и животных, которые лишают человека жизни за считанные секунды.

– Спасибо, капитан, я вижу, что вы искренне печетесь о моем благополучии. – Надежда, выслушав тираду моряка, пропустила ее мимо ушей.

Ринальдо – вот кто ей нужен! Именно он, и никто другой! Если капризный и богатый старик думает, что сможет через пару лет избавиться от нее, то она его разочарует – этому не бывать. Она станет синьорой Баррейро номер пять, и будь что будет!

Они провели в Коста-Бьянке еще два дня, и сорока восьми часов вполне хватило, чтобы охмурить Ринальдо. Перед самым отправлением «Моны Лизы» в обратное плавание он сделал Надежде предложение.

– Графиня, мы удивительно подходим друг другу, – сказал Ринальдо. – Вы знаете, что я не возвращаюсь в Гамбург, а остаюсь в Коста-Бьянке. Я предлагаю вам остаться вместе со мной. В качестве моей супруги, графиня. Я буду страшно рад этому. Я уже полюбил вашего мальчика и, надеюсь, стану ему примерным отцом, как, впрочем, и заботливым мужем для вас.

Надежда, которая только и ждала подобного признания, не стала жеманиться. Она моментально согласилась, и «Мона Лиза» ушла в Гамбург, оставив ее и сына в пленительной Коста-Бьянке.

То, что она увидела, прибыв в поместье Ринальдо, превзошло ее самые смелые ожидания. Громадный трехэтажный особняк с более чем пятьюдесятью комнатами, раскинулся посреди благоухающего сада, окруженного высоченным забором.

Страстью синьора Баррейро были собаки. Глядя на оскаленные морды догов и питбулей, Надежда со страхом вспоминала рассказ капитана. Но Ринальдо был сама любезность и учтивость.

В первый же день Надежда стала свидетельницей страшной сцены. В чем-то провинившийся работник на плантации, молодой мулат, по приказу Ринальдо был жестоко избит палками. Как позднее она узнала, он скончался в муках от множественных переломов и внутреннего кровотечения.

Когда Баррейро понял, что его невеста не привыкла к подобным зрелищам, он произнес:

– У нас в Коста-Бьянке другая жизнь, моя дорогая, и тебе нужно постепенно к ней привыкать. Эти мулаты не считаются за людей. Я мальчишкой застал те времена, когда они были рабами, они такими для меня и остались.

Надежда постепенно стала угадывать подлинный характер будущего мужа – злобный, деспотичный, необузданный. Но он был богат, как Крез. Ему принадлежали многокилометровые плантации с кофейными деревьями, шахты, где добывали изумруды, предприятия по производству оружия...

Ринальдо не скупился на подарки молодой графине. Соседи, такие же богатые плантаторы, скоро узнали, что синьор Баррейро привез из Европы удивительно красивую и родовитую супругу. Надежде пришлось следить за простодушными высказываниями Сережи, чтобы не попасть впросак. Она, графиня Ильицкая, была гордостью Ринальдо.

И его новым приобретением, как очередная газета, ранчо или пароход. Надежда наконец-то почувствовала себя обеспеченной. В Петербурге у нее была камеристка, несколько слуганок, кухарка, дворник... В коста-бьянском поместье Ринальдо она отдавала приказания нескольким десяткам слуг, своей безропотностью походивших на рабов, которые сбивались с ног, чтобы как можно быстрее выполнить любую прихоть госпожи.

Ринальдо заваливал ее драгоценностями, подписывал чеки, в столице республики, городе Эльпараисо, она посещала самые шикарные бутики, одевалась у самых известных и дорогих портных. Надежда убедилась, что Коста-Бьянка, расположенная на задворках мира, живет своей особой жизнью. Конечно же, мода несколько отличалась от парижской, однако всего за пару месяцев госпоже Ильицкой удалось прослыть самой элегантной дамой Коста-Бьянки.

Ринальдо боялись, Ринальдо боготворили, Ринальдо ненавидели. Надежда, которую Баррейро не допускал к финансовым делам, была вынуждена заниматься домашним хозяйством. Ей подчинялось около сотни слуг, которых она вначале не могла запомнить по имени. Она открыла для себя новую страсть – лошадей. У Ринальдо имелась великолепная конюшня, украшением которой был черный жеребец, купленный за баснословные деньги у иранского шаха. Именно этого жеребца по кличке Вихрь Ринальдо и преподнес молодой супруге.

Дары, похожие на сокровища Али-Бабы, сыпались на нее, как из рога изобилия. Надежда купалась в роскоши, не вспоминая о том, что всего несколько месяцев назад считала каждую марку в сырой и темной квартирке Гамбурга. Она добилась того, что хотела. Или все это было иллюзиями?

Венчание прошло в главном соборе столицы, старинной церкви, выстроенной в начале шестнадцатого века после того, как испанские конкистадоры объявили Коста-Бьянку территорией мадридской короны.

Сразу же после свадьбы Ринальдо настоял на том, чтобы они отправились в глубь страны, в его огромное, похожее на отдельное государство, поместье, огражденное от всего остального мира. Надежде не хотелось покидать столицу Коста-Бьянки – шумный Эльпараисо, который пленил ее изысканной архитектурой и бурной жизнью. Но спорить с мужем не приходилось, Ринальдо всегда получал то, что хотел.

Она поняла, и очень скоро, что ее супруг – сумасшедший и садист. Ему доставляло удовольствие мучить людей. В припадках беспричинного бешенства он мог до смерти забить хлыстом провинившегося работника на плантации или служанку, уронившую чашку. Надежда пыталась вступиться, но перепадало и ей.

Через несколько дней после свадьбы она узнала, что у ее мужа очень тяжелая рука. Он избил ее за то, что она отказалась подчиниться его извращенным сексуальным желаниям. Надежда, не привыкшая к подобному отношению, заперлась в своей спальне и тихо плакала. У нее было все, она стала женой миллионера, но почему ей так плохо, как еще никогда не было? Возможно, из-за того, что она по собственной глупости оказалась в лабиринте, выхода из которого не было. В лабиринте, где ее поджидал свирепый, охочий до крови Минотавр.

Ринальдо, сначала упраскивавший жену, взломал тяжелую дверь, сделанную из тика, и снова избил Надежду так, что она почти два месяца не могла показаться слугам из-за синяков, покрывавших ее лицо. После этого припадка Ринальдо снова стал милым и галантным, сделал ей царские подарки и не настаивал на близости.

– Если ты будешь выполнять мои желания, то каждый год я буду дарить тебе полмиллиона, – сказал ей Ринальдо. – Учти, ты не имеешь права развестись со мной, ты мгновенно потеряешь все. Ты согласна?

Надежда, зная, что от Ринальдо убежать невозможно, покорно согласилась. Для всех она стала счастливой вдовой, которая вышла замуж за самого богатого человека страны. На самом деле она была заложницей психопата, готового убивать.

У Ринальдо от четырех браков не было детей, а ему требовался наследник. Его поджимал возраст, ему было почти семьдесят. Несколько детей, которых произвели на свет его несчастные жены, умерли в младенчестве. Поэтому он привязался к Сереже. Он полюбил мальчика, насколько к этому был способен такой человек, как он. Баррейро брал его с собой в деловые поездки, возил на плантации, спускался вместе с ним в шахты, представлял всем как своего сына.

Он на самом деле усыновил Сергея, который именовался теперь Сержем Баррейро. Надежда, души не чаявшая в сыне, с горечью стала замечать, что он отдаляется от нее. Особые опасения внушали ей забавы, к которым Ринальдо приучал Сережу. Она боялась, что под влиянием отчима, которого мальчик слушался беспрекословно, Сергей вырастет таким же деспотичным и жестоким.

Заметив однажды, как девятилетний мальчик ударил по лицу пожилую служанку, она отчитала его. Сергей, белокурый ангел (и это разительно отличало его от смуглолицых и темноволосых жителей Коста-Бьянки), тихим голосом сказал матери:

– Ты ничего не понимаешь, эти индейские бастарды созданы для того, чтобы ими помыкали. Они же обезьяны, мама, с ними нужно общаться только при помощи силы.

Надежда попробовала поговорить о методах воспитания с Ринальдо, но муж, исправно переводивший на ее личный счет полмиллиона долларов каждый год, рассвирепел:

– Что ты хочешь сказать, мальчик растет подлинным Баррейро! Пускай он не мой сын по крови, однако он мой настоящий наследник по духу.

Этого-то Надежда и боялась больше всего. Шли годы, она, плененная в золотой клетке, постепенно привыкла к тому, что Ринальдо может ворваться к ней в спальню в половине третьего ночи и грубо овладеть, нанося удары по лицу. Жены других плантаторов были каждая по-своему несчастны. Ринальдо никогда не скупился, открыв ей неограниченный кредит в самых лучших лавках и магазинах, и Надежда, стараясь заглушить душевную боль, не стеснялась в тратах.

Она регулярно появлялась на обложках модных журналов, ее провозгласили образцом вкуса, даже жены президентов, менявшихся с регулярностью раз в два-три года, не могли соперничать с ней.

Сережа превратился в красивого молодого человека. В столь же красивого, сколь и порочного. Надежда знала, что ее сын гоняется за наслаждениями, безмерно тратит деньги, предается бессмысленным жестокостям. Баррейро все прощал пасынку, в котором не чаял души.

На семнадцатый день рождения он заявил, что сделал Сержа единственным наследником всего своего имущества.

А спустя три месяца Сережа убил Ринальдо.

Надежда была свидетельницей того, как сын вместе с мужем отправились на охоту. Через два часа Сергей в задумчивости вернулся в особняк. Надежда еще не спала, читая очередной женский роман, который помогал ей бежать от суровой действительности.

Стояла зыбкая жара, надвигался сезон дождей. Сергей молча прошел в библиотеку. Его руки, облаченные в тяжелые перчатки, были залиты кровью. Надежда содрогнулась – ей не нравилось желание сына добивать раненых животных.

– Ринальдо умер, – стаскивая перчатки, сказал Сергей.

Надежда, машинально отложив книжку в сторону, сначала не поняла, о чем речь. Она так давно мечтала о том, что Баррейро скончается. И вот, похоже, ее сокровенные мечтания осуществились.

– Что произошло? – спросила Надежда.

Сергей усмехнулся, и улыбка на его красивом лице выглядела ужасно.

– Несчастный случай на охоте, как и с моим польским отцом, – ответил он. – Я сейчас привезу его тело, а ты позаботься, чтобы никто не видел этого. Наконец-то я избавился от этого старого придурка!

В его словах было столько злости и надменной издевки, что Надежду пронзил смертельный ужас. Неужели этот белокурый красавец с серо-голубыми глазами, по которому сходят с ума все барышни Коста-Бьянки, ее сын, которого она любит более всего в жизни, вырос монстром? Она не хотела верить в это...

Как и велел Сергей, она отправила слуг в свои комнаты и приказала не покидать их до особого распоряжения. В доме Баррейро слуги подчинялись хозяйке с первого слова и никогда не пытались нарушить приказаний.

Сергей, прихватив бричку, отправился в джунгли, откуда час спустя привез тело Ринальдо. В сарае Надежда взглянула на мертвого супруга. Ни о каком несчастном случае не могло быть и речи. Сергей убил отчима. Он перерезал ему горло, хладнокровно и жестоко.

Меланхолически куря, Сергей взглянул на мать, склонившуюся над мертвым Баррейро.

– Ты же так давно мечтала об этом, я знаю, – сказал ей молодой человек. – Почему ты не радуешься, мама?

– Как ты мог, – только и промолвила Надежда.

Она возненавидела Ринальдо практически с самого начала их несчастного брака, но не желала ему такой страшной смерти. Она не хотела, чтобы ее сын оказался убийцей.

Сергей бросил на солому охотничий нож, весь в засохшей крови. Именно им, как поняла Надежда, он и убил Ринальдо.

– Старик слишком зажился на этом свете, – произнес Сергей. – Теперь я стану наследником всего состояния.

Боже, только и подумала Надежда, он стал настоящей копией Ринальдо. Нет, он стал еще порочнее, чем его отчим...

Следующим утром всех оповестили о том, что господин Ринальдо Баррейро скончался на охоте от сердечного приступа. Слуги, если кто-то знал и видел что-то, предпочли молчать. Имя Баррейро навевало ужас.

К Надежде потянулись нескончаемые процессии желающих выразить соболезнование. Депутаты национального собрания, министры, промышленные и финансовые магнаты, председатель государственного банка республики, генералы армии, наконец, его высокопревосходительство господин президент республики Коста-Бьянка. Она, как вдовствующая императрица, принимала всех в огромном зале, восседая в золоченом кресле. Вся в черном шелке, с вуалью, закрывающей мраморно-белое лицо, без драгоценностей, она выслушивала потоки слов о том, что страна потеряла выдающегося деятеля, гениального предпринимателя, примерного семьянина...

Сергей, стоявший около матери и державший ее ладонь в своей руке, в одно мгновение превратился в значимую фигуру. Надежда вдруг поняла, что боится сына, боится того, кому посвятила всю жизнь.

Ринальдо погребли в фамильном склепе, к его телу никто не был допущен, доктор подписал свидетельство о смерти, даже не взглянув на труп. Похоже, что все с облегчением вздохнули, когда всемогущий Баррейро отдал богу (или дьяволу, как были уверены очень многие) свою многогрешную душу.

О том, что Сергей убил отчима, никто и никогда не узнает. Надежда, единственная, знавшая страшную тайну, молчала. Что изменится, если она расскажет об этом? Ей никто не поверит, никто не захочет взглянуть правде в глаза. А даже если и поверят, способна ли она, мать, отправить своего единственного сына в тюрьму? Она же любила Сергея, любила, даже несмотря на то, что он был убийцей.

Через неделю было оглашено завещание покойного. Баррейро не обманул, он отписал все свое имущество, исчислявшееся многими десятками миллионов, сыну Сержу. Надежде ничего не досталось – ну, или почти ничего, кроме драгоценностей. Но у нее был счет в банке, на котором за тринадцать лет супружества с Ринальдо скопилось чуть больше шести миллионов. Она была вполне обеспеченной дамой, которая овдовела в возрасте тридцати восьми лет.

Согласно законам Коста-Бьянки, Сергей не мог мгновенно распоряжаться имуществом, отписанным ему Ринальдо. Ему требовалось стать совершеннолетним, достичь двадцати одного года, чтобы войти в права наследства. До этого времени, по единодушному мнению

адвокатов (и под давлением самой Надежды), госпожа Баррейро была назначена опекуном собственного сына.

Вечером того же дня в столичном особняке Баррейро разыгралась безобразная сцена. Сергей, узнав, что ему придется ждать еще почти четыре года, обвинил Надежду в том, что она украла его деньги.

– Ты немедленно отдашь мне все то, что принадлежит мне по закону! – кричал сын.

В гневе он так походил на Ринальдо. Надежда даже ужаснулась – почему Сергей не пошел в своего настоящего отца, мужа Евгении, а превратился в подобие Баррейро?

– Ты получил все, Сережа, – ответила уставшая Надежда. – Все то, к чему ты стремился. Деньги – твои. Ведь ради этих миллионов ты и убил Ринальдо?

Сергей в тревоге оглянулся и, подскочив к матери, закатил ей звонкую оплеуху. Надежда не могла поверить – сын ударил ее!

– Заткнись, шлюха, – прошипел он. – Не дай бог, твои рассуждения кто-нибудь услышит!

Между сыном и матерью пролегла бездонная пропасть. Они практически не общались. Надежда, обладавшая правом тратить деньги, доставшиеся от Ринальдо, предавалась этому с великой энергией и воодушевлением. Она скупала наряды, которые не носила, туфли, которые складировались в кладовой, драгоценности, которые запирались в сейф, ковры, картины, мебель, которые безжалостно выбрасывались через два месяца и заменялись новыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.